

Сибирская амазонка

Автор:

Ирина Мельникова

Сибирская амазонка

Ирина Александровна Мельникова

Агент сыскной полиции #4

Они появляются внезапно и внезапно исчезают. Черные плащи, капюшоны с красной каймой, горячие лошади, бьющие без промаха карабины, меткие стрелы... Никто не говорит вслух об этих людях, живущих где-то в глухой тайге, боясь накликать беду. Ратники Веры – так называют их. Самая отчаянная из них, таинственная девушка по имени Евпраксия, все чаще стала появляться там, куда приехал Алексей Поляков – агент сыскной полиции. Он пытается найти след украденных у известного коллекционера древних церковных книг – и все попытки выяснить хоть что-либо пресекаются. Нет сомнения – Евпраксия и ее братья по вере как-то причастны к исчезновению книг. Но проникнуть за завесу суровой тайны, которой окружили себя Ратники Веры, пока не представляется возможным...

Ирина Мельникова

Сибирская амазонка

Глава 1

– И ты поверил, что Тартищев уйдет в отставку? – Иван Вавилов тщательно обсосал куриную косточку и отложил ее на тарелку. – Да нет, боже мой! На моем

веку подобных заявлений случалось уже раз пять. Я, конечно, не хочу сказать, что Михалыч делал это понарошку, чтобы на всякий случай обеспечить себе достойное отступление. Нет, все, что он ни скажет, вполне искренне. Но заметь, как он быстро забывает о своих угрозах, стоит только нам жулика хлопнуть. И начальство ему об этом старается не напоминать, потому как и Хворостьянов, и Батянов знают, лучше Тартищева никто наши помойные делишки не разгребал и в ближайшем будущем разгребать не будет.

– Но зато Желтовский напомнил, – улыбнулся Алексей и потрогал скулу, с которой еще не сошла желтизна старого синяка – след столкновения с чрезмерно прытким репортером. – Потребовал с Федора Михайловича ящик шампанского. Помнишь, он и впрямь про это заикался, тогда, в кабинете у Тартищева, когда околоточный задержал их вместе с Куроедовым? Кажется, предлагал пари заключить, что убийца непременно хочет помешать открытию нового театра.

– А ты, что ж, от Желтка другого ожидал? Я бы подобных наглецов на верстовых столбах за язык вешал, чтобы неповадно было всякие непотребства болтать. – Вавилов вытер салфеткой губы и откинулся на стуле с довольным видом, словно после отлично исполненного дела. – Вспомни, как он в газете задержание суфлера расписал? Про Тартищева – два слова, про нас с тобой и вовсе едва упомянул, все больше про то распинался, как не позволил Гузееву на жертву броситься. Ему врать, как спать! Щелкопер долбанный!

– Дался тебе этот Желток! Не о чем больше говорить, что ли? – Алексей жестом подозвал полового в белой с вышивкой косоворотке и велел подавать чай. И вновь повернулся к приятелю, который благодушно задымил папиросой, привычно окидывая трактирный зал взглядом.

Время вечерних посетителей еще не наступило, поэтому было много незанятых столиков. Все это казалось непривычным для них и странным. И не мудрено. Сегодня они, редкий случай, позволили себе пообедать на чистой половине трактира «Три сосны», известного своей кухней и хорошими винами. И даже не взглядывали поминутно на часы, потому что впервые оказались здесь не по служебным делам. С сегодняшнего дня они числились в отпуске. И это было особенно приятно по той простой причине, что Тартищев расщедрился и подписал приказ аж на три недели отдыха. Правда, посоветовал им скрыться с глаз долой, иначе он не выдержит соблазна и отзовет их раньше времени в случае очередного громкого преступления.

Конечно, они никак не ожидали столь царского подарка от начальства. Отпуск в начале лета! Три недели! И вдвоем! Последнее обстоятельство и вовсе ввергло их в состояние щенячьего восторга, но после, поразмыслив чуток, они поняли, что Тартищев свое возьмет с лихвой. В августе и в сентябре в Североеланске пройдут сразу несколько ярмарок, на которые, помимо купцов и покупателей, по обычаю, съедется масса ворья и жуликов всех мастей.

К тому же Савва Андреевич Булавин впервые в истории Сибири проводил выставку сельскохозяйственных орудий и машин, на которую пригласил нескольких знаменитых промышленников из Германии, Великобритании, Франции. Говорят, что даже из-за океана, из Североамериканских Штатов приедут два фабриканта, выпускавшие то ли какие-то чудо-плуги, то ли паровые мельницы.

Поскольку гости на выставку ожидалось из многих стран, в том числе из тех, в которых успешно работали отделения его Центрально-Азиатской компании, Савва Андреевич очень настойчиво попросил губернатора обеспечить надлежащий порядок на выставке и охрану его гостей. Просьбу быстро превратили в приказ, спустили по инстанции вниз, и в конце концов она стала причиной того, что Вавилова и Алексея отправили в отпуск летом. Тартищев заранее их предупредил, что в сентябре они возглавят летучий полицейский отряд, который будет пресекать в самом зародыше любые попытки местных жуликов и заезжих «гастролеров» испортить настроение гостям и их хозяевам.

– Нет, что ни говори, а славно летом отдохнуть! – Иван мечтательно уставился в потолок и пустил в него струю папиросного дыма. – Завтра сядем мы с тобой на пароход и ту-ту! Только нас Тартищев и видел!

– Смотри, сглазишь, – усмехнулся Алексей, – пока пароход от берега не отвалит, ни за что не поверю, что отпуск состоится. Федор Михайлович за пять минут до отхода может нас с борта снять, если случится что-то из ряда вон выходящее.

– И вправду лучше не зарекаться, – вздохнул Иван и потушил окурок о дно пепельницы. – Даже если пороги пройти успеем, он нас в Сорокине на пристани достанет. При условии, что верховых вовремя пошлет. После Сорокина сплошные горы вдоль реки пойдут, там уже дороги нет, и ему до нас не добраться.

Шустрый мальчонка в длинной полотняной рубахе – помощник полового – подал чай и пирожные и выложил несколько газет, которые по просьбе сыщиков только что купил у газетчика, торговавшего ими вразнос недалеко от трактира.

Первым делом Алексей развернул «Взор», и Иван, заметив это, скептически усмехнулся:

– Выходит, я тебя все же кое-чему научил. Помнишь, как я советовал? Начинать читать с самой поганой газетенки. В ее домыслах и сплетнях нередко столько полезного обнаружишь! Вроде враки все, полнейший вздор... – Он засмеялся: – И то правда! Не «Взор», а «Вздор»! Надо бы Желтовскому подсказать, а то слишком жеманно его поносный листок называется. А «Вздор» – в самое яблочко! – Он посмотрел на пирожное и поморщился: – Что-то мы с тобой совсем по-барски расселись, Алешка! Пирожные лопаем, чай гоняем! Того гляди, привыкнем отдыхать, а после ох как труднехонько будет к службе возвращаться.

Алексей рассмеялся:

– А мы еще и не отдыхали с тобой. – Он вытащил из кармана жилета часы и весело констатировал: – Всего-то два часа в отпуске, а ты уже забеспокоился, как к службе приступать будем. Смотри, точно накаркаешь, и завтра пароход отчалит без нас.

Иван в деланом испуге замахал руками.

– Все, все, молчу! – Но, отхлебнув пару глотков из чайной чашки, все же не выдержал и с сомнением в голосе произнес: – Не верю я, Алешка, и все тут, что наконец-то смогу с удочкой посидеть, на хариуса поохотиться, а то и таймешонка поймать. – Он склонил голову к уху приятеля и таинственно прошептал: – Знаешь, какая у меня мечта? Уже который год ее, как дитяню, вынашиваю? – Он обвел взглядом заговорщика зал, словно проверяя, не подслушивает ли кто. И когда Алексей наострил ухо, произнес и вовсе едва слышно: – Тайменя хочу поймать! С меня ростом! Говорят, на Кызыре и побольше водятся, чуть ли не с плоскодонку длиной.

– Тогда это уже не таймени, а крокодилы какие-то, – засмеялся Алексей, – и зубов у них, видать, не меньше, чем у акулы. Б-р-р! – Он повел плечами. – Какие

страсти ты замышляешь, Иван? Лучше вон газетки почитай! В Америке подобный аллигатор двух фермеров в одночасье сожрал и не подавился.

– Все насмехаешься, да? – Иван с обидой посмотрел на Алексея. – А я вот намеренно газет читать не буду! В отпуске я или нет? – Он отодвинул пустую чашку и тарелочку с крошками от пирожного и приказал половому: – Неси счет!

Пока Иван расплачивался, Алексей торопливо пробежал глазами газетные страницы, ничего стоящего внимания не обнаружил, поэтому быстро допил чай и поднялся из-за стола, не дожидаясь, пока приятель уличит его в чрезмерной медлительности. Он знал за собой такую слабость и старался не давать Ивану повода для очередного зубоскальства.

Они намеренно не взяли извозчика, ведь так приятно было пройтись по городу без определенной цели, без назойливой мысли, как убедительно составить рапорт, или отчитаться перед начальством за потраченные на доверенных людей деньги, или написать объяснение, почему жулик, за которым ты ходил целый день, улизнул от тебя самым непонятным образом. Тартищев любил ясность во всем и терпеть не мог подобных казусов. И особо не выносил, если проштрафившийся агент не признавал своей вины, сваливая всю ответственность на непредвиденные обстоятельства или, того хуже, на сослуживцев. С такими сотрудниками начальник уголовного сыска не слишком церемонился, расставался быстро и без всякого сожаления.

Приятель миновали несколько улиц и вышли к скверу возле здания нового театра, выстроенного Булавиным в подарок городу и в память примадонны Полины Муромцевой, погибшей от руки маньяка-убийцы в прошлом году.

Скверик был знаменит еще и тем, что рядом с ним располагался единственный в городе фонтан, возле которого не было стоянки извозчиков, поэтому в воздухе витали запахи свежескошенного газона и детские голоса. Ребяшня визжала и хохотала, плескалась до одурения в крохотном бассейне, хотя вода в нем была ледяная и наполовину с мусором. Покрытые пупырышками тела, синие губы, перестук зубов – мальчишки, как воробьи, облепили чашу фонтана, пытаясь согреться под палящими лучами июньского солнца.

– Слышь-ка, Алеша, давай посидим в тенечке, – расслабленно произнес Иван. Его худое лицо сильно покраснелось. На лбу и носу выступили капельки пота. Он

отдувался и беспрестанно вытирал пот носовым платком. Видно, давали о себе знать недавно выпитые пара стопок водки и горячий чай.

– Давай посидим, – покорно согласился Алексей. Ему и самому не слишком хотелось тащиться по пыльным, без малейшего присутствия зелени, улицам к управлению полиции за денежным содержанием и проездными документами, которые им обещали выдать к вечеру.

Мимо задумчиво продефилировал продавец сельтерской, а мороженщик принялся на все лады расхваливать свой товар. Его расписную тележку сразу облепила детвора с медяками в потных ладошках, а Иван в очередной раз приложился влажным платком ко лбу и пожаловался:

– Не выношу жару! По мне лучше мороз! От него хоть под шубой спрятаться можно, а от жары и в кустах не укроешься! – Он сердито посмотрел на небо. – И что ж это солнце так жарит? Лето не успело наступить, а, гляди, вся трава уже пожелтела. Скоро опять тайга полыхнет, как солома! – И вздохнул: – Никита, правда, сказывал, что в их краях подобной жары отродясь не бывает, и дожди в горах, почитай, каждый день идут.

Никита Шаньшин был атаманом казачьей станицы Пожарской и давним другом Ивана. Уже который год он приглашал Вавилова погостить в его краях, порыбачить или поохотиться, но Ивану все было недосуг: то Маша очередного сына рожала, то банда новая объявлялась, а то и с деньгами бывало туговато... Но в этот раз, кажется, все складывалось как нельзя удачно: Савва Андреевич на радостях, что убийца схвачен, а премьера в новом театре прошла успешно, лично вручил каждому сыщику, принявшему участие в поимке преступника, по двести рублей премии, да от губернатора досталось всем по сотне, да от Тартищева, как и обещал, по пятьдесят на брата.

Так что Иван неожиданно разбогател и по этой причине уговорил Машу отпустить его на пару недель из дома. Жена скрепя сердце согласилась, и только по той причине, что ее неугомонный супруг сговорил себе в компаньоны Алексея Полякова. Его она считала воспитанным молодым человеком, не способным на дурные поступки. И умоляла Алексея не спускать глаз с ее Ивана, чтобы тот не встрял в какую-нибудь заварушку и вернулся домой живым и невредимым.

– Ты откуда Никиту знаешь? – спросил Алексей.

– А, это долгая история! – Иван вяло махнул рукой. – Лет пять или шесть назад мы с ним познакомились. Он своего старшего сына Гаврилу отправил в Североеланск по казачьим делам к наказному атаману, а попутно велел кое-какого товару прикупить. С Гаврюхой еще три конных станичника были, охрана, так сказать. Только они, как в город попали, про все на свете забыли. Остановились в номерах на Разгуляе, а там «деловые» приметили, что казачки при финажках, ну и началось! Девки срамные, катран... Словом, пришлось Гаврюхе в одних исподниках в окно сигать, а бандиты за ним в погоню, сапогами стучат, по матушке кроют, из револьвера палят... Загнали его на чердак, но он – парень здоровый, двух с крыши спустил, одному челюсть набок свернул... Драка исключительная получилась, только Гаврюхе так бы на чердаке и остаться, если бы дворник полицию не вызвал. Доставили всех в участок, разобрались что к чему. А я по делам туда заглянул, смотрю, сидит на полу детина с айдаром[1 - Айдар- круглая казачья стрижка.] на голове. Сам – косая сажень в плечах, руки в цепях, и слезы вперемешку с соплями по роже размазывает. Тут и выяснилось, что батя у него станичный атаман, в первый раз поручил ему серьезное дело, а он, вишь, не только деньги продул, но и бумаги важные в тех поганых номерах оставил. Словом, потерял Мартын отцов алтын, потому и сопли пускал.

– И, что ж, ты помог ему? Пожалел?

– Прямо пожалел, – скривился Иван, – я б ему рожу начистил до самоварного блеска, если б допрыгнул до нее, конечно. Меня Сверчок разозлил. Огудала,[2 - Огудала – обманщик, плут (диалект.).] каких свет не видел. От Валдая до Алтая слава по пятам за ним летает. Его и в реке топили, и горло резали, и спину ломали, а сколько раз на нож сажали за дела его поганые, то даже господу богу неизвестно. Кажется, все, пропал: кровью харкает, ноги не ходят... Нет, смотришь, отлежался на блатхате неделю-другую и опять за свое – лохов чесать. Я ему строго-настрого приказал из города убираться, а он у своей марухи пару месяцев отсиделся, рожу поперек себя шире наел и вновь во все тяжкие пустился. Только мне сразу шепнули, от чьих ручонок станичники пострадали. Взял я этого поганца прямо на катране, и загремел он у меня в Нарымские края ягель косить. До сих пор в тундре на вачуге[3 - Вачуга – стойбище.] живет и аргишит[4 - Аргишит – то есть водит олени обозы.] помаленьку. К тому ж на тунгуске женился и прорву карымов[5 - Карым – ребенок от русского и тунгуски.] народил.

– А бумаги вернули?

– И бумаги, и деньжата! Уехал казачок шибко довольный, все порывался мне в ноги упасть и сапоги облобызать. А месяца через три батя его заявился. Маше лисий салоп подарил, мне шапку бобровую, а еще сала, сохатины, окорок копченый приволок. Теперь каждый год без подарков не обходится. Говорит: «Ты не только мою честь спас, но и Гаврюхину». Дескать, через десяток-другой годков должен тот прийти на его место не замаранным.

– Смотри, кто это к нам пожаловал? – внезапно перебил его Алексей и кивнул головой на странный обоз, который выполз из-за угла и остановился возле недавно выстроенной гостиницы «Кандат».

Несколько телег с грузом, укрытым брезентом и тщательно перевязанным джутовыми веревками, десяток лошадей с объемистыми тюками, в которых угадывались пехотные палатки, сопровождали больше дюжины верховых. Они-то и обратили на себя внимание Алексея. Это были никогда не виданные им вживую, разве что на книжных и журнальных картинках, индусы. Но он сразу же узнал их по смуглым, словно закопченным лицам, пыльным чалмам на головах, шароварам и длинным белым, но сейчас серым от пота и пыли рубахам навывпуск. На боку у них болтались короткие кривые сабли, на поясах висели кинжалы в ножнах, на плечах – английские карабины.

В центре обоза двигалась легкая коляска. У подъезда гостиницы всадники спешили, а из коляски вышел высокий мужчина, судя по прямой спине и четкой походке – бывший военный. На нем были парусиновый френч, клетчатые бриджи, пробковый шлем, тяжелые походные башмаки с толстой подошвой и крагами. Он нервно ударил зажатыми в руке перчатками по бедру и коротко бросил несколько слов через плечо всадникам, видимо, что-то скомандовал. Один из индусов, выше всех ростом и заросший густой черной бородой по самую чалму, последовал за ним в гостиницу, остальные остались у входа в нее.

– Ишь, налетели басурманы, точно кошка на сметану! – Иван привстал со скамьи и даже вытянул шею, чтобы рассмотреть, что происходит возле гостиницы. Но пыльные заросли акации мешали обзору, и он предложил: – Давай-ка ближе подойдем. – И пояснил: – Слышал я, что должна к нам прибыть экспедиция какого-то англичанина. Говорят, то ли руды какие ищет, то ли букашек изучает.

– Стража у него сердитая, – усмехнулся Алексей, – явные головорезы. И вооружены тоже не против букашек.

– Да, винтовочки у них знатные, – согласился Иван, – только в наших краях, сам знаешь, без хорошей охраны вмиг без головы останешься.

Глава 2

Они заняли удобную позицию напротив входа в гостиницу и сделали вид, что поглощены разглядыванием витрины ювелирного магазина Вайтенса. В ней прекрасно отражались и обоз, и лошади, и угрюмые индусы, которые присели на корточки в тени здания, поставив карабины между колен, а также огромная реклама страхового общества «Изнуренов и сын», сверкавшая обилием красок на здании, расположенном рядом с гостиницей. Индусы изредка перебрасывались короткими фразами, но большей частью молчали, кидая хмурые взгляды на зевак, заполнивших тротуар напротив, да покрикивали на вездесущих мальчишек, снующих между телегами:

– Away! Go away![6 - Прочь! Убирайтесь прочь! (англ.)]

– Ишь ты! Командуют как у себя дома! – пробурчал Иван. – Чего они там?

– Отгоняют мальчишек от телег, – пояснил Алексей.

По мостовой проехало несколько колясок с откинутым верхом. Извозчики громко ругались: приходилось заезжать на тротуар, чтобы обогнуть телеги с грузом. Появился городской с длинной шашкой на боку. Летняя фуражка, обтянутая белым чехлом, не спасала от жары. Он то и дело снимал ее и вытирал бритую голову огромным платком, но поста своего не покидал и покрикивал на бестолковых извозчиков, чуть не сбивших колесами водяную колонку у края тротуара. Индусов он не трогал и посматривал настороженно: видимо, не получил приказа, как с ними следует поступать.

В этот момент из-за угла вывернула длинная дощатая телега, на которой высилась гора перевязанных цепями бревен. Тянула ее невзрачная мосластая

лошаденка, а управлял ею совсем уж никудышный мужичонка в рваном армяке и войлочном капелюхе. Завидев телегу, городской выскочил на мостовую ей наперерез и подхватил лошаденку под уздцы.

– А ну, подай, подай назад! Живей, свиное рыло! – заорал он истошно и, когда возница подчинился, замахал руками: – Давай в объезд! Давай, давай!

Телега со скрипом и грохотом разворачивалась поперек улицы. Возчик принялся нещадно хлестать несчастную животину плетью, побуждая ее руганью и угрозами вывернуть повозку на середину мостовой. Городовой, в свою очередь, тянул лошадь за уздцы, рвал мундштуком рот и выражался не менее щедро. С трудом, но они достигли успеха, развернув лошаденку и телегу в нужном направлении. Возчик взгромоздился на свое сиденье, и повозка, тяжело грохоча колесами по булыжникам мостовой, скрылась за поворотом.

В этот момент индус с черной бородой вышел на крыльцо и что-то громко прокричал, видно, на родном языке, так как Алексей не понял ни единого слова. Сидевшие индусы молча поднялись на ноги, перекинули карабины на спину и столь же молча вскочили на лошадей. Из коляски показалась голова еще одного человека, худого и светловолосого. Виден был только его затылок, однако, судя по движениям, его хозяин был молодым и энергичным человеком. Он жестом подозвал к себе бородача. Тот выслушал его, беспрестанно кивая головой, затем вновь что-то прокричал всадникам. Его лошадь ухватил под уздцы один из индусов, а сам чернобородый вернулся в гостиницу.

Пассажир коляски махнул рукой, и вся кавалькада медленно двинулась по улице вслед за ним, но без душераздирающих криков и ругани, столь обычных для русских обозов. Возчики и погонщики лошадей лишь изредка что-то гортанно выкрикивали и взмахивали бичами, подгоняя своих подопечных, да громко скрипели колеса телег и стучали по камням мостовой хорошо подкованные копыта.

Алексей и Иван проводили обоз и всадников взглядами. Человек в пробковом шлеме остался в гостинице, а чернобородый индус, судя по всему, был его слугой или охранником.

– Да-а, – покачал головой Иван, – такая свора да на бедных блошек-букашек... – И словно поперхнувшись, на мгновение смолк, а потом тихо произнес: – Гляди,

только не верти головой! Филеры Ольховского пасут кого-то! Левее, левее! – прошипел он недовольно, заметив, что Алексей смотрит в противоположную сторону.

Тот повернул голову в нужном направлении и сразу же увидел бродягу, который со скучающим видом медленно брел по тротуару с калачом в грязных руках. То и дело он толкал кого-нибудь плечом, и прохожие сердито огрызались на него. Но он, не обращая на негодуящие выкрики никакого внимания, раз за разом откусывал от калача изрядный кусок и, остановившись возле очередной витрины, рассматривал выставленные там товары с не меньшим тщанием, чем Алексей или Вавилов.

По противоположной стороне улицы вышагивал взад-вперед почтенного вида господин в котелке, светлом полотняном костюме и с букетом в руках. Он то и дело посматривал на уличные часы и вытирал обильный пот носовым платком. При этом его маленькие глазки по-рысьи сосредоточенно изучали лежащую перед ним улицу, ни на чем не останавливаясь, но ничего и никого не пропуская. По всему было видно: предстоящее свидание волнует господина не больше, чем бродягу товары, выставленные в витринах самых дорогих магазинов города.

– Я их знаю, – пробурчал за спиной Алексея Вавилов. – Лучшие агенты Ольховского. Начинали с простых филеров, поэтому кого угодно вокруг пальца обведут, но только не нас с тобой, – произнес Иван назидательно и кивнул головой в сторону бродяги. – Тот, который с калачом, – Кощей. Цепкий, как клещ. Еще не было случая, чтобы упустил кого из-под наблюдения. Второй, с букетом, Тумак. Этот тоже ловок, но при задержании. И стреляет, будь здоров, особенно по движущимся мишеням! Так что наверняка крупная птичка у них на поводке. – Он огляделся по сторонам и задумчиво произнес: – Нет, обоз их не интересует, хотя, как сказать, возможно, за ним тоже своего человека направили. Мы ведь не сразу их заметили.

– Может, филеры ждут, когда англичанин из гостиницы выйдет?

– Да кто их разберет? – вздохнул Иван и махнул рукой: – Пошли! Наше дело – сторона!

Они отошли от витрины, и тут же Иван схватил Алексея за рукав:

– Гляди!

Филер с букетом неожиданно уронил его себе под ноги и нагнулся, чтобы поднять рассыпавшиеся цветы.

– Кажется, знак подал, – прошипел Иван и толкнул Алексея: – Точно! Смотри! Монашка!

Но Алексей и сам заметил, как из-под арки между двумя домами вынырнула высокая, судя по походке, женская фигура в длинном черном одеянии с низко надвинутым на лицо капюшоном. Подпоясывала эту пыльную и довольно ветхую хламиду разлохмаченная веревка. А в правой руке монашка сжимала длинный посох с крючком на конце, напомнивший Алексею своим видом ерлыгу, которой чабаны ловят овец за заднюю ногу.

Спина ее была слегка согнута, голова вытянута вперед: ни дать ни взять древняя бабуся, плохо видящая перед собой дорогу. Только для древней бабуси она передвигалась слишком легко и быстро. «Монашка», постукивая посохом, почти бежала к одной ей ведомой цели и завернула за угол, как и обоз, в направлении постоянного двора.

Правда, на углу она на мгновение замедлила бег и бросила быстрый взгляд через плечо. И даже не походка, а этот поворот головы, резкий, совершенно не свойственный ее преклонному возрасту, заставил Алексея и Ивана переглянуться. И не сговариваясь, они поспешили следом.

Народу на улице в этот час было немного. Молодая нянька в сатиновом платье и белом переднике прокатила навстречу им плетеную из лозы детскую коляску. Медленно прогуливалась вдоль витрин магазина дородная дама со шляпной картонкой в руках. Шмыгнул с одного места на другое, убегая от солнца в тень, чистильщик сапог...

Тротуар перед ними был абсолютно пуст. Забывший про цветы Тумак спешил вслед за «монашкой» и тоже исчез за поворотом. Клещ пересек мостовую, нырнул под арку, и тут же из питейного заведения «Теремок» вывалился мужик в стоптанных сапогах и в армяке и шмыгнул следом за ним.

– Проходными дворами рванули, – прошептал одними губами Иван и показал глазами на арку: – Давай – туда!

Они убыстрили шаг и уже почти достигли арки, когда дорогу им заступил рослый офеня с лотком, на котором громоздились календари, дешевые книжонки, открытки с видами Кавказа, ластики, гребни, заколки и прочая на первый взгляд непонятная дребедень.

На какое-то мгновение широкая спина офени заслонила им обзор, но Иван ловко нырнул ему под локоть и юркнул в арку. Алексей попытался обойти торговца справа. Тот искоса метнул на него угрюмый взгляд и прибавил ходу.

Тогда Алексей ступил на мостовую, легко обошел офеню и почти побежал, лавируя между невесть откуда взявшимися оборванными цыганскими ребятишками, обступившими продавца с бубликами и наседавшими на него с отнюдь не детской наглостью. Будь у него время, Алексей непременно бы вступился за чуть не плачущего от досады паренька лет пятнадцати, которого грязные ручонки ободрали почти как липку, оставив на связке два бублика...

Алексей достиг поворота, бросил взгляд на витрину огромного магазина, принадлежавшего компании Булавина. Офеня был тут как тут и отразился в ней до самых носков юфтевых, приспущенных гармошкой сапог. Но не повернул вслед за Алексеем, а пересек улицу и остановился в тени дома напротив. Несколько женщин простого вида тут же окружили торговца и принялись рыться в хламе, сваленном на его лотке.

Но Алексей тут же забыл и про офеню, и про его покупательниц. Он заметил Тумака. Филер почти приклеился к спине «монашки». А она, сгорбленная, с вытянутой вперед шеей, продолжала быстро, чуть ли не вприпрыжку мчаться по тротуару. Неожиданно из проходного двора навстречу ей выскочили Кощей и мужик из «Теремка». «Монашка» словно споткнулась на месте, спина ее выпрямилась, а посох она перехватила двумя руками и выставила перед собой.

Тумак наседал на нее сзади, впереди плечом к плечу наступали два дюжих агента с недвусмысленными намерениями, которые читались в их глазах. В этот момент Иван тоже выскочил из-под арки. Руку он держал за пазухой. Кажется, назревало что-то серьезное. Алексей быстро огляделся по сторонам. Офеня, избавившись от покупательниц, почти бегом пересекал улицу... Дама со

шляпной коробкой ехала по мостовой в коляске с откинутым верхом и, привстав, наблюдала за тем, что творится на тротуаре.

Вдруг «монашка» резко прыгнула назад. И, развернувшись что было сил, хлестнула Тумака посохом по ногам. Тот вскрикнул и повалился на мостовую. Кощей и его напарник, вытянув из-за поясов револьверы, молча бросились на бывшую старушку. Но она опять прыгнула. И опять посох прошелся по агентам. Била она крючком. Кощей, схватившись за голову, упал на колени и тут же завалился на бок, а его напарник удержался на ногах, но зажал лицо ладонями. Из-под его пальцев струей хлынула кровь.

«Монашка» же резво покинула место схватки. Ноги ее так и мелькали из-под балахона, края которого она подхватила руками.

А по мостовой уже всю мчалась пролетка с дамой со шляпной коробкой. Правда, вместо картонки дама сжимала в руке пистолет и кричала неожиданно грозным басом:

– Стой! Стой! Стрелять буду!

Пролетка поравнялась с «монашкой». Лошадиная морда с крупными желтыми зубами взметнулась над ее головой. «Дама», подхватив юбки, из-под которых виднелись грубые мужские башмаки, занесла ногу, чтобы спрыгнуть на тротуар, но «монашка», развернувшись, нанесла ей мгновенный тычковый удар посохом прямо под ребра. «Дама» по-лягушачьи коротко вякнула и упала навзничь на дно коляски. «Монашка» опять крутанулась на месте и тут же попала в объятия Ивана.

– Держи ее! – Алексей бросился к нему на помощь.

«Монашка» в бешенстве что-то выкрикнула, метнулась всем телом, словно щука с крючка, но Иван держал ее крепко. Причем прижал руки женщины вместе с посохом к телу, лишив ее свободы маневра. Пленница рванулась опять, и капюшон с узкой красной каймой по краю слетел с ее головы. Под ним оказался черный платок, который по-раскольничьи низко закрывал ей лоб. Но даже то, что оставалось открытым взгляду, подтверждало: женщина была молода, даже очень молода, лет двадцати, не больше. Огромные карие глаза ее в густой щеточке ресниц метали молнии. Крылья тонкого носа раздувались и опадали.

«Монашка», казалось, дымилась от дикой, почти первобытной ярости. И даже зарычала, когда в очередной раз ей не удалось еще более отчаянная попытка освободиться от захвата. Но Иван держал ее изо всех сил...

Алексей затолкал револьвер за пояс брюк и перешел на быстрый шаг, не сводя взгляда с незнакомки. Балахон ее был из грубой, крашенной в черное ряднины, ветхой и грязной. При прыжках из-под него мелькали сапоги, больше похожие на мужские, чем на женские. А на указательном пальце левой руки «монашки» Алексей разглядел широкое серебряное кольцо, на котором были выгравированы какие-то слова, похоже, древней славянской вязью.

– Ну, баба попалась! Чистая аспида! – пожаловался Иван приятелю и, несколько ослабив хватку, попытался вырвать посох у «монашки» из рук. И напрасно! В этот момент она и впрямь по-змеиному извернулась, лягнула Ивана ногой и, перехватив посох двумя руками, так толкнула им в грудь Вавилова, что тот отлетел в сторону, как пушинка. И если бы не стена дома, к которой он приложился спиной, непременно свалился бы на тротуар. Алексей все же успел ухватиться за посох, но «монашка» с такой силой крутанула его вместе с клюкой вокруг себя, что он лоб в лоб столкнулся с офеней.

На землю посыпался товар с лотка. Офеня поймал агента за плечо и, сердито замычав, показал увесистый кулак. Алексей оттолкнул лоточника с дороги, но тот, ухватив его уже за грудки, принялся трясти и что-то зло бормотать при этом. А «монашка» тем временем, опять подхватив края балахона руками, во всю прыть мчалась по тротуару. Зажимая разбитый нос ладонью, за ней бежал напарник Кощея, а следом, слегка отстав, – прихрамывающий Иван. Но «монашка» опередила их на пару корпусов и бег свой не замедляла, даже после того, как улица пошла заметно в гору.

Дистанция между ней и преследователями увеличивалась на глазах. Алексей выхватил револьвер, локтем оттолкнул от себя офеню и в то же мгновение кубарем покатился по тротуару от поставленной им подножки. Выругавшись, он вскочил на ноги и замахнулся, чтобы врезать торговцу по уху, но тут же забыл об этом. Из-за поворота, будто выпущенные из пращи камни, вылетели два всадника на гнедых лошадях. Они были точно в таких же балахонах, как у «монашки», а головы их закрывали капюшоны, отороченные красной полосой. Они быстро настигли бегущую «монашку» и ухватились с двух сторон за края посоха, который она выставила перед собой.

Алексей вытаращил глаза. Такое он видел впервые. Всадники держали ерлыгу за концы, а женщина висела между ними, поджав ноги и уцепившись за древко обеими руками. Но только доли секунды. Всадники вздернули посох вверх, и «монашка», извернувшись, как цирковой гимнаст, перелетела на лошадь и оказалась за спиной одного из своих спасителей.

– Стреляй! – крикнул истошно Кощей и первым же нажал на курок. Пуля выбила искры из булыжников мостовой, по которым всего секунду назад промчались всадники.

Следом ударил револьвер Ивана, но всадники, нахлестывая лошадей плетями, миновали постоянный двор, где уже скрылся обоз, охраняемый индусами, и свернули на узкие улочки Разгуляя. Кощей и хромящий Тумак вскочили в коляску. «Дама» уже без шляпной коробки перебралась на место рядом с извозчиком.

– Давай в отделение! Скажи, ушла зараза! – крикнул Кощей своему напарнику в армяке и ткнул кучера в спину кулаком: – Гони! Кровь из ноздрей, гони!

Иван проводил взглядом рванувшуюся с места коляску и повернулся к филеру:

– Чего эта баба натворила, Лапоть?

– Не могу знать, – тот отвел глаза в сторону и пожал плечами. – Велено брать немедленно, а чего ради, мне неведомо!

– Ладно, топай! Даже знать будешь, не скажешь! – сказал Вавилов и махнул рукой. – Проваливай, не порти настроение!

– Ты что, сталкивался с этой братией? – справился Алексей. Он спрятал револьвер во внутренний карман сюртука и кивнул в сторону филера, который почти мгновенно испарился. – Работали вместе?

– А, все пути господни, – произнес с досадой Иван. – Бывало мешали друг другу, бывало помогали... – Он бросил взгляд за спину Алексея: – Смотри, удирает. А ну-ка догоним этого стервеца, он же тебе рукав оторвал!

Алексей схватился за плечо. Рукав нового сюртука болтался на нескольких нитках, а виновник этого бесчинства, дюжий офеня, не оглядываясь, быстро уходил в обратную от них сторону.

– А ну стой, мерзавец! – Иван вскинул револьвер. – Стой, стрелять буду!

– погоди! – поморщился Алексей. – Я ему сперва рожу начищу. – Он бегом догнал офеню и рывком развернул его к себе. – Эй ты! Не слышишь разве, стоять велют?

Тот глянул исподлобья и вдруг замычал, показывая то на собственные уши, то на товар, то на Алексея.

– Немой, что ли? – удивился догнавший их Иван и что-то быстро изобразил на пальцах под носом у торговца.

Офеня закивал головой и, в свою очередь, тоже принялся крутить пальцами на разные лады.

– Ага, понял, – кивнул головой Иван и посмотрел на Алексея. – Извиняется, шельма, что тебя уронил. Испугался, мол, за свой товар.

– Да ну его, – Алексей устало махнул рукой, – пусть катится отсюда, пока я добрый.

Офеня, льстиво улыбаясь и кланяясь, правда, взгляд его от этого не стал дружелюбней, отступил на пару шагов назад и вдруг, подхватив лоток обеими руками, со всех ног кинулся в арку между домами.

Иван заложил два пальца в рот и оглушительно свистнул. Но тут же хлопнул себя по лбу и рассмеялся:

– Дурак! Он же полнейший глухарь! – И вдруг изменился в лице. – Постой, ты когда-нибудь видел глухого или немого офеню? Они ж так базлают, на всю улицу прямо, когда товар свой расхваливают!

Алексей с недоумением посмотрел на него и пожал плечами. И впрямь, как немому офене продать свой товар, если не кричать о нем на весь белый свет?

Глаза Ивана сузились.

– Он не товар рассыпал, Алешка. Он эту девку не позволил задержать. И нас провёл, как сопливых младенцев. – Вавилов вопросительно посмотрел на Алексея: – Ты что-нибудь понимаешь?

– Пока нет, но сдаётся мне, что он не из охранного отделения. И, кажется, «монашку» и впрямь прикрывал. Но почему ж тогда не ввязался в драку?

– Да, задачка! – Иван подмигнул приятелю: – Но не по нашему ведомству, поэтому давай-ка сваливать отсюда подобра-поздорову, иначе опять в какую-нибудь заварушку влезем. – Он задрал рукав сюртука и стал рассматривать приличную ссадину – след от удара о стену дома. Затем вздохнул, направив взгляд в сторону Разгуляя. – Знаешь, Алешка, я такого театра в жизни не видел. Чистая ведьма, а не девка! От шести мужиков отбилась, а как на лошадь взлетела! А посох этот! Ты заметил, как она ловко им орудовала? – Он помолчал мгновение и пристально посмотрел на Алексея: – Придётся Тартищеву доложить, как ты считаешь?

– Придётся, – вздохнул Алексей, – представляешь, как он нам гривы расчешет, когда узнает, что мы в потасовку ввязались, а по какому поводу, не узнали.

– Узнаем, – хлопнул его по плечу Иван, – какие наши годы! – И предложил: – Пошли, что ли?

– Пошли! – вздохнул Алексей и оглянулся на гору, по которой разбежались кривые улочки Разгуляя. И там, в его недрах, словно молотком ударили два раза: стреляли из револьвера. Следом – ещё раз... Агенты Ольховского продолжали преследовать странных всадников в черных балахонах...

Глава 3

Иван нервно вышагивал взад-вперед по палубе дебаркадера и шепотом ругался. До отхода парохода оставалось десять минут, багаж находился в каютах, матрос, стоящий у сходней, то и дело выразительно поглядывал на него, а об

Алексее не было ни слуху ни духу. Правда, денщик Тартищева, Никита, доставил его багаж на пристань и передал записку, в которой Алексей, видимо, на ходу сообщал, что его срочно вызвали в управление полиции по поводу ограбления купца первой гильдии Чурбанова, известного в городе коллекционера.

Прочитав записку, Вавилов сплюнул от досады и выругался. Кажется, их прогнозы сбываются. Отпуска им не видать как своих ушей. Иван понимал, что без приятеля один в тайгу не отправится еще и по той причине, что наверняка дело серьезное. Чурбанов собрал огромную библиотеку древних летописей, рукописных книг и прочих редкостей, на которые зарились коллекционеры со всего мира. Иван вздохнул. Не зря Алешку вызвали, ох, не зря! Он среди всех агентов самый образованный. И Тартищев непременно загрузит его по самую макушку. И ему плевать, что еще вчера самолично подписал им приказ на отпуск. Федору Михайловичу не привыкать ссылаться на чрезвычайные и непредвиденные обстоятельства.

Иван снял фуражку и поскреб в затылке с выражением самого неподдельного горя на раскрасневшейся от жары физиономии. Эх, сгорел их отпуск синим пламенем, как погорела его мечта посидеть спокойно с удочкой у речного переката. Хотя, постой, чего он так расстроился? Иван оживился. Если Никита доставил багаж Алексея на коляске Тартищева, значит, Федор Михайлович не забыл, что сегодня два его агента отплывают на пароходе «Гигант» в долгожданный и заслуженный ими отпуск, и есть слабенькая, но надежда, что Алексей не опоздает к отправлению парохода.

Он еще раз обвел взглядом косогор над пристанью и даже присвистнул от радости. В подтверждение его мыслей из города вновь приближалась коляска Тартищева, и за спиной Никиты хорошо просматривалась довольная физиономия его приятеля. Не дожидаясь, когда коляска остановится, Алексей выпрыгнул из нее и сбежал вниз к дебаркадеру.левой рукой он придерживал шляпу, в правой сжимал ручку брезентового саквояжа.

Пароход дал гудок, возвещая о завершении посадки, два дюжих матроса подступили к сходням, намереваясь убрать их. Иван сердито сверкнул на приятеля глазами и постучал себя согнутым пальцем по лбу. Алексей виновато развел руками и, бегом миновав сходни, оказался на палубе вслед за Вавиловым.

Матросы шустро втянули трап на палубу, пароход опять взревел гудком и, гулко шлепая колесами, стал медленно отходить от причала дебаркадера. И только

когда полоска желтой воды, отделявшей их от Североеланска, достигла сотни, если не больше сажений, два его чуть не оставшихся на берегу пассажира облегченно вздохнули. Никита же, который, сидя на облучке коляски, дожидался отправления парохода, перекрестился и что-то пробормотал в сивые от седины усы.

Через час Иван и Алексей сидели за столиком на верхней палубе и пили пиво. Над их головами хлопал под порывами легкого ветра брезентовый полог. Днем он укрывал пассажиров от палящих лучей солнца, но с приближением сумерек жара уступила место приятному теплу. В нем, как в объятиях любимой женщины, купалось и нежилось тело, а душа тянулась навстречу доброму слову, открытому взгляду и приветливой улыбке. Появлялось желание закрыть глаза и отдаться во власть легких и нежных касаний ветерка, пряному мороку таежных трав, натекавшему с близкого берега. Острый запах сырости щекотал ноздри. Черный дым из трубы парохода относил назад, и он стелился за кормой длинным муаровым шлейфом.

Над водой носились стрижи и ласточки-береговушки. Чайки парили над рекой. Стремительно меняя курс и перевертываясь в воздухе, они валились на крыло и припадали к самой воде. А то вдруг, очертя голову, бросались прямо в волну, и то одна, то другая взмывали вверх с бьющейся в клюве серебристой ленточкой.

Слева от парохода солнце купалось в воде. Казалось, что в реку плеснули ковш раскаленного золота, отчего ее волны запылали пожаром, который вскоре погасит лучший в мире пожарный – ночная темнота. Она уже притаилась за скалами дальнего берега, словно лазутчик в засаде, и ждала лишь удобного момента, чтобы накрыть землю огромным плащом звездного неба.

Вдали в узком проходе среди скал, куда стремилась река, ее уже укрыла мгла. Горбатые сопки, заросшие пихтой и рогатыми, словно быки сохатого, кедрями, подернулись сизым маревом. Над темными кручами берега отцветала черемуха. Набухли белизной соцветия рябины. Среди густой травы и разлапистых папоротников пламенели куртины жарков и мелькали багровые всполохи марьиных кореньев. Кое-где виднелись редкие пока красные и желтые саранки на длинных стеблях. Подмытые половодьем умирающие деревья, как печально поникшие зеленые знамена, склонились над желтыми водами...

Белеющие в наступающей темноте остовы берез в седой бороде лишайников, вечная зелень ельников и синева пихтача... Скалы, ветер... Здесь он не мягкий и ласковый, как на палубе, а дикий и пронзительный, острый, как казачья сабля... Россыпи дикого замшелого камня, бурелом, черные вывороченные пни, чьи мертвые корни вздыбились выше молодого леса, – все это работа ветра и его веселой подруги – вешней воды.

Легкая рябь бежала по реке и гасла на отмелях большого острова, заросшего тополями и ивой. Над подводной косой расходились в сторону слабые круги. Мелькнуло в воздухе трепещущее тельце, одно, другое, и вновь пошли, цепляясь друг за друга, круги по воде: то ли щука ельца гоняет, то ли окунь решил мошкаркой разговеться. Чуть дальше, за отмелью, где крутят вовсю донные родники, взметнулся вдруг над водой широкий хвост. Всплеск! И рыба вновь ушла в глубину! Громадная рыба, мечта рыбака. Осетр, а может, и сам царь-таймень... Кто его знает!

За островом река разлилась вширь. Несколько плоскодонок разошлись в разные стороны, освобождая отмеченный бакенами стрежень реки для парохода. Над некоторыми лодками клубился дым и синим туманом расползлся над водой. Рыбаки отгоняли от себя комаров и мошку. Одна из лодок, в которой сидели четверо здоровенных голоногих мужиков, а на корме устроился с рулевым веслом жилистый старик в холщовой рубахе, плыла всего в десятке саженой от левого борта «Гиганта». Рулевой приложил козырек ладони к глазам, прищурился и что-то весело прокричал глазающим на него со всех трех палуб пассажирам.

Пронзительный пароходный гудок разорвал тишину. Капитан высунулся из рубки и тоже весело гаркнул в железный раструб переговорной трубы:

– Привет, Трофимыч! Шалишь понемногу?

Старик поднялся на ноги, замахал рукой.

– Много осетров наострожничал, – раздалось с парохода, – или сетями теперь ловишь?

Старик прижал руки к сердцу, затем развел их в стороны и покачал головой. Но и без этого было видно, что в лодке, кроме гребцов, ничего нет.

– Жаль, – капитан был разочарован, – думал пару спичуков,[7 - Спичук – самец осетра (диалект.).] эдак пуда на четыре, купить, чтоб пассажиров ухой побаловать. – Он приложил руку к козырьку форменной фуражки. – Бывай, Трофимыч! На обратном пути, смотри, не подведи!

Лодка с рыбаками ушла за остров. Капитан короткими гудками попрощался с ними. И вновь над рекой растеклась тишина, нарушаемая плеском волн о борта парохода и шлепаньем деревянных плиц.

– Да-а, благодать-то какая! Просто божья благодать! – протянул Иван мечтательно и сдул пену, громоздившуюся маленьким сугробом над очередным бокалом с пивом. Он обвел взглядом широкий плес, последний перед тем, как река нырнет в теснину ущелья. – Жаль, что завтра уже приплываем, так бы плыл и плыл до конца отпуска, чтобы ни забот, ни хлопот... – Он вновь сдул пену и, сделав глоток из бокала, поднял взгляд на Алексея и требовательно произнес: – Хватит нежиться! Давай рассказывай, что там с Чурбановым приключилось?

– С деталями или без? – поинтересовался Алексей лениво. С самого утра ему пришлось основательно побить ноги, выполняя задание Тартищева, поэтому от выпитого пива его слегка разморило и тянуло вздремнуть. Но он понимал, что подобный вечер еще не скоро повторится в его жизни, поэтому не спешил покинуть палубу, равно как и распространяться, по какому случаю чуть было не опоздал на пароход. Но Иван даже в состоянии меланхолии помнил прежде всего о деле и сердился, если об этом забывали другие.

– Ты мне голову не морочь, – проворчал он и отставил бокал с пивом в сторону. – Или тебе Тартищев не велел меня посвящать?

– Почему ж? – Алексей загадочно усмехнулся. – Дело просто замечательное! И нам с тобой непременно пришлось бы им заниматься, если б Ольховский его не перехватил. Так что благодари Бронислава Карловича за то, что отпуск наш продолжается.

– Да уж, – скривился Вавилов, – дай бог ему стать полковником, да не в нашем полку! – Он пригубил пиво и выжидательно уставился на Алексея: – Рассказывай, не томи душу!

– А что рассказывать? – Алексей пожал плечами. – Дело с виду обычное. Ограбили коллекционера, так их во всем мире грабят. Но здесь случай особый. Оставили без внимания многие ценные книги, а унесли лишь четыре штуки из тех, которые особо почитают раскольники. Это мне сам Чурбанов объяснил.

– Погоди, что за книги? Старинные, что ли? Рукописные или печатные? – потребовал ясности Иван.

– Рукописные. Конца XV – начала XVII века, – ответил Алексей и достал из нагрудного кармана сюртука сложенный вдвое лист бумаги. – Я на всякий случай записал и названия их, и некоторые приметы. Все это толстые фолианты в деревянных, обтянутых кожей переплетах с бронзовыми и медными застежками.

– А застежки знаешь для чего? – улыбнулся Иван. – Чтобы бес не проник! У раскольников есть даже проклятие для тех, кто забыл закрыть застежки после чтения.

– Чурбанов мне это объяснил. Сам он тоже из староверов, правда, обычаев их почти не соблюдает, разве что крестится двумя перстами. А интерес к их книгам имеет превеликий. Оказывается, у него самая большая коллекция старинной православной, еще дониконианской литературы. Говорят, есть книги из библиотеки Ивана Грозного, хотя она считается погибшей. Правда, сам он в этом не признался. А пропали у него, – Алексей заглянул в бумагу, – первое издание Соборного Уложения 1649 года, редчайшая Виленская псалтырь 1575 года. Она была выпущена в свет учеником первопечатника Ивана Федорова Петром Мстиславцем. Кроме того, умыкнули большой рукописный сборник православных текстов шестнадцатого века. Чурбанов говорит, что это самая ценная из рукописей, которую ему удалось найти в сибирских скитах. Илья Фомич особо по ней горюет. Тем более что она в очень плохом состоянии. Многие листы слиплись в сплошной блок, водяные знаки просматривались, но не везде.

Иван протянул руку и взял листок бумаги, на котором бисерным почерком Чурбанова были прописаны особые приметы утерянных древностей.

– Ишь, как четко все выписал, – похвалил купца Иван, – буква к буквке. Он и дела свои так ведет. Грошик к грошику – копейка. И каждая копейка у него точно гвоздем прибита. Скуповат и прижимист Илья Фомич невероятно, но на коллекцию свою деньги не жалеет. – Он поднес листок ближе к глазам и

прочитал: – На 633 листах. Шесть листов литерных. Написано полууставом и скорописью разных рук конца XVI века. Бумага с водяными знаками. На чистой странице в начале книги запись скорописью второй половины XVII века: «Книга Григорей Синаит». На обороте второго листа запись скорописью другой руки XVII века: «Сия книга Владимирского Рождественского монастыря церковная». На третьем – заставка растительного орнамента. Переплет – доски в коже, медные жуки и застежки. – Иван с удивлением посмотрел на Алексея: – Зачем это тебе, если за дело взялся Ольховский?

– А так, на всякий случай, – ответил тот уклончиво и спрятал бумагу в карман. – Я за те полдня, что этой кражей занимался, много чего узнал. И не только от Чурбанова. После я еще в музей забежал, там тоже кое-что разведаль. Ты как раз приметы самой ценной книги прочитал. А в музее мне о ней подробно рассказали. Хранитель фондов Иннокентий Владимирович Голдовский, говорят, даже затрясся, когда Чурбанов пригласил его к себе и показал эту рукопись. Она была местами подпорчена, и ему требовался специалист, чтобы реставрировать ее. У старообрядцев есть подобные мастерские, скриптории, где восстанавливают утраченный текст или переписывают поврежденные места, заново переплетают, делают застежки. Только эти скриптории окружены тайной, и мало кому известно, как их найти. Обычно они прячутся в самых глухих местах: в тайге или в горах.

– Когда Чурбанов приглашал Голдовского к себе?

– Дней десять назад. Но тот не взялся ее реставрировать, побоялся не справиться, хотя кое-какие древние книги до этого реставрировал. Объяснил, что книга уникальная и стоит бешеных денег у коллекционеров.

– Выходит, Голдовский знал, что у Чурбанова имеется столь ценная книга?

– До той поры, пока Чурбанов ее не показал, не знал. Он сам в музее недавно. Не больше двух месяцев. Раньше в Томске в университете преподавал, но, говорит, не сошелся взглядами с ректором, пришлось перебраться в Североеланск. На самом деле больше всех в курсе были лишь секретарь Чурбанова и его любовница. Сергей Усвятлов, секретарь, судя по всему, большой дока по части древних книг. Говорит, объездил всю Сибирь в поисках раритетов. Чурбанов ему многое доверяет. И Усвятлова, и любовницу Чурбанова Прасковью Романовну Домодедову Ольховский взял в разработку. Но, со слов Иннокентия Владимировича, я все ж успел кое-что записать прежде, чем им тоже занялось

охранное отделение. – Алексей полез в другой карман и достал четвертушку бумаги. Пробежал ее глазами и поднял их на Ивана: – По словам Голдовского, Чурбанов собирался отвезти эту книгу в Екатеринбург, там есть нужные мастера, но, как понимаешь, не успел. Вчера поздно ночью неизвестные злоумышленники, судя по следам, на веревках спустились с крыши, выдавили окно в библиотеке и проникли внутрь дома. Сам Илья Фомич пребывал в это время на квартире своей любовницы Домодедовой. Секретарь тоже отсутствовал. У него приболела мать в Каинске, и он отпросился у хозяина на неделю навестить ее. И вернулся только сегодня утром. В доме оставались слуги, шесть человек, но они в это время уже спали. Сторож, который дежурил снаружи, найден был утром связанным, с кляпом во рту, недалеко от забора, что окружает дом. На все вопросы мотает головой и твердит одно и то же: «Ничего не ведаю! Сзади напали!» Второй сторож, по его же словам, всю ночь провел рядом с комнатами, где хранятся коллекции, но ничего подозрительного не услышал.

– А как же окно? Стекло должно было разбиться? Наверняка спал, мерзавец, потому и не услышал звон? – спросил Иван.

– Возможно, и спал, но звона стекла он бы так и так не услышал, по той причине, что грабители поначалу залепили его бумагой, а потом уже выдавили. Так что ни осколков, ни шума!

– Хитрые мерзавцы! – покачал головой Вавилов. – Видно, солидные люди орудовали, не портяночники!

– Понятно, что опытные и крайне наглые. Лезли в дом, зная определенно, что ни Чурбанова, ни секретаря дома нет.

– А как обнаружили кражу?

– Дворник с рассветом принялся мести двор и сразу же нашел связанного сторожа. Чуть позже заметили распахнутое окно на втором этаже. Вызвали Чурбанова. Тот послал за полицией. Тартищев – за мной! Словом, к семи утра я уже пахал на всю катушку. Чурбанов, конечно, растерялся и поначалу нес полнейшую околесицу. Мне так и не удалось выяснить, как к нему попали старинные книги. Вернее всего, не очень честным путем. Стоило мне задать вопрос, каким образом он их приобрел, то услышал в ответ такую чушь, что хоть

уши затыкай. А как только спросил о цене, то он и вовсе начал ахать и хвататься за сердце.

– Тут я его понимаю, – усмехнулся Иван, – наверняка целое состояние стоят, иначе не бледнел бы от твоих вопросов.

– Я поинтересовался, не предлагал ли кто ему продать эти книги. Отрицает, говорит, что ничего подобного не было, а вот Усвятков сообщил, что незадолго до ограбления Чурбанов получил письмо без обратного адреса. Секретарь передал хозяину конверт нераспечатанным, поэтому не знает, что было в письме. Но он находился в соседней комнате и слышал сквозь приоткрытую дверь, как Илья Фомич ругался, возможно, по поводу этого письма: «Ишь, чего захотели, малакайки! Шиш вам с надвигой, а не „Житие“!»

– Что значит «Житие»? Название рукописи?

– Ну да! Это действительно начало названия рукописи, особые приметы которой я тебе показал. Полное ее название: «Житие и подвизи святого благоверного князя Александра Невского чудотворца». Некоторые тексты в ней почти угасли, как сообщил Чурбанов, и если воры будут обращаться с ней небрежно, то она просто превратится в прах. Представляешь, при этом он заплакал.

– Представляю, – вздохнул Иван, – эти собиратели, что дети малые. Мать умрет, так не будут плакать, как о подобных книжонках.

– Честно сказать, у меня язык не поворачивается назвать «Житие» книжонкой. Это – настоящий исторический памятник, которому цены нет, и храниться он должен в условиях гораздо лучших и более безопасных, чем у Чурбанова. Но имеется одно обстоятельство, которое многое объясняет... – Алексей окончательно избавился от дремотного состояния. Он вновь почувствовал то самое необъяснимое волнение, которое испытывал сегодня всякий раз, как только разговор заходил о древних рукописях. – Оказывается, все пропавшие книги объявлены официальной церковью еретическими и подлежат уничтожению. Поэтому Илья Фомич так и нервничал. И книги ему хотелось найти, и боялся, что их у него отнимут.

– Я понимаю, почему Ольховский в него вцепился. Угроза государственным устоям, и прочая, прочая, прочая, – скривился в ухмылке Вавилов. – Теперь купцу

уж точно своих книг не видать, да и ему самому как бы в острог не загреметь! Известно, что даже содержание этих книг преследуется церковью вплоть до отлучения.

- Но я Ольховскому не завидую. Чурбанов очень испугался и, вполне возможно, откажется не только от своих показаний, а и от розыска.

- Теперь не откажется! Бронислав Карлович на горло ему наступит и будет давить, пока тот хрипеть не начнет. Все выдавит из купчишки, даже про то, что тот ни сном ни духом не знал.

- Я у секретаря кое-что еще выведал про это «Житие». В то время использовали железосинеродистые чернила желтоватого цвета. Текст написан четким полууставным почерком второй половины XVI века. На одном из листов проставлена дата - 1591 год. На других листах она повторяется, но написана разными способами - от сотворения мира и Рождества Христова, по лунному и по солнечному календарю, по годам правления царя и патриарха. Эту дату историки называют «черной», так как она написана на бумаге чернилами. Но есть еще и «белая» - дата водяного знака на бумаге рукописи. Усвятков объяснил, что «белая» дата менее точно определяет год создания рукописи. Бумага могла просто залежаться, и наверняка прошло несколько лет, прежде чем она попала в руки писца. Кроме того, в рукописи сообщалось имя создателя «Жития Александра Невского». Но по древнерусской традиции имя книжника зашифровано сложной цифровой загадкой. Усвятков пытался разгадать эту головоломку, но безуспешно. Похоже, что загадка написана с ошибкой и поэтому вообще не решается.

- Видно, он и вправду хорошо разбирается в рукописях.

- Усвятков? - переспросил Алексей. - Я ведь уже сказал об этом. Десять лет назад он закончил исторический факультет Казанского университета. Тема его диссертации напрямую связана с древними рукописями, которые удалось обнаружить на Урале и в Сибири, и как оказалось, в большей части, именно ему. Причем все экспедиции оплачивал Чурбанов. Прежде считалось, что в наших краях древнерусская книжность представлена очень бедно. Дескать, какие могут быть древние книги в стране, освоение которой началось в XVII веке. Оказывается, русские переселенцы, кроме самого нужного для жизни, везли с собой книги. Среди них творения византийских писателей, рукописные обличения никонианской церкви и первые печатные книги. Большинство из них

признаны еретическими. Раскольники тщательно оберегали их. Прятали в тайниках, столь же тайно переписывали, словом, хранили как зеницу ока, потому что несли их на себе тысячи верст с Поморья и из Керженца. Усвятюв рассказал, что еще в начале нашего века снаряжались целые воинские команды, которые рыскали по тайге, уничтожали скиты, искали тайники с книгами и сжигали их без разбора. Много людей погибло тогда, защищая старую веру и ее символы. Да и сейчас не лучше. Охранное отделение как раз и занимается подобными вещами, так что Ольховский и вправду не отцепится от купца, пока не выведает все, что ему потребуется. И еще... – Алексей перешел на шепот и оглянулся по сторонам. Но вряд ли кто мог их подслушать, потому что палуба совершенно опустела, и они с Иваном остались одни.

– Ладно, говори, никто нас не слышит, – улыбнулся добродушно Вавилов и озадаченно покачал головой: – Вот что значит образование! За полдня столько успел узнать, что мне за год не осилить!

– Только не кокетничай, – рассердился Алексей, – ты любому профессору сто очков вперед дашь. И поручи Тартищев тебе это дело, ты б Ольховскому через неделю такой фитиль вставил бы!

– Можно подумать, ты бы от меня отстал! – улыбнулся Иван польщенно. – Только бодливой корове бог рогов не дал. Занимается этим делом Бронислав Карлович, и пусть занимается, а мы с тобой тайменя едем ловить. И это наша первейшая задача на сей момент! – И вдруг с подозрением посмотрел на приятеля: – Постой, ты чего затеял? Бумажки эти, приметы, «белая» дата, «черная»... Что ты мне мозги пудришь? Говори прямо, что еще узнал, что тебя заусило, как щуку на тройник?

Алексей отвел взгляд и выбил пальцами дробь на столешнице. Потом задумчиво посмотрел на Ивана:

– Не знаю, что меня дернуло рассказать Усвятюву о драке, что учинила эта девчонка в черном балахоне. Правда, ни о филерах, ни об офене я не упомянул. Представил себя случайным очевидцем, но ты бы видел, Иван, как он побледнел, когда я упомянул про посох и красную кайму на капюшоне. Перекрестился, а губы трясутся, как от сильного испуга. «Что с вами? – спрашиваю. – Может, воды дать?» А он меня не слышит, глаза по полтиннику и шепчет: «А больше вы ничего не заметили?» – «Заметил, – говорю, – кольцо серебряное...» А он перебивает: «На указательном пальце левой руки? А по ободу надпись

старинными буквами „Спаси и сохрани“?» – «Верно, на указательном пальце, – соглашаюсь, – но вот что написано, не разглядел. Я это кольцо пару мгновений всего и видел...» И стоило ему это услышать, как схватился он за голову и запричитал: «Ратники! Господи! Ратники! Говорил же Илье Фомичу...» – а потом, как оглашенный, выскочил из комнаты, где мы беседовали, даже не попросил разрешения уйти. На столе у него бумаги стопкой лежали, вещи какие-то старинной работы, кинжал... Так он на бегу их рукой смахнул, даже не заметил. Пришлось подбирать их с пола... И поговорить с ним мне больше не удалось, потому что через минуту на пороге возник Ольховский и меня от дела освободили. Я потом хотел Усвятова найти и приватным образом с ним побеседовать, но куда там! Мне даже близко подойти к нему не позволили!

– Что ж, начнем танцевать от печки, – Иван положил ладони на стол и пошевелил пальцами. – Что-то ручонки затекли. Видно, давно донесение Тартищеву не писали. – И с самым серьезным видом посмотрел на Алексея. – Книги у Чурбанова сперли дорогие, но запрещенные, как еретические. И если за это дело взялись орлы Ольховского, этих книг купцу не видать как собственных ушей. Кто их украл, он не подозревает, но его секретарь вусмерть напугался, когда ты ему рассказал об этой ведьме с посохом и о двух ее пособниках в бахотне с красной полосой.

– Как ты сказал? – удивился Алексей. – В какой еще бахотне?

– Бахотня, так эти балахоны называются у раскольников, – пояснил Иван.

– Так ты с самого начала понял, что она из староверов? – поразился Алексей. – А почему молчал?

– А что это меняет? – вполне резонно поинтересовался Иван. – Раскольница она не раскольница, пусть этим Бронислав Карлович занимается, а мы с тобой в отпуске или нет?

– В отпуске, – отмахнулся как от назойливой мухи Алексей. – Выходит, в охранном гораздо раньше нас пронюхали об этих ратниках? Вспомни, ты сам сказал, что Тумак и Кощей наверняка важную птичку на поводке держали?

– Ну, сказал и сказал, и что с того? Девку-то все равно проворонили!

– Но по какой причине они за ней гнались? Возможно, она замешана в краже книг? Хотя ее преследовали днем, а книги украли ночью...

– Давай не будем гадать, как девки на Святках! – Иван хлопнул его по плечу. – Пошли лучше спать. Завтра рано вставать. В десять утра прибываем в Мотылево, там нас будут ждать лошади от Никиты.

Через полчаса они уже спали, каждый в своей каюте. И сны их были не столь безмятежны, как это бывает на второй день отпуска... Они спали, не ведая, что их ждет впереди, а ленивые воды реки уносили пароход все дальше и дальше от Североеланска.

Острове́рхие шапки лесов и черные гряды дальних хребтов посеребрила луна, выглянувшая из-за туч. Разгулявшийся ветер раскачивал и тряс мохнатые лапы кедров. Его порывы разгоняли и с разбегу выбрасывали на берег мутные волны, которые, шипя по-змеиному, уползали обратно, оставляя на мокрой гальке мусор: кору, разлохмаченные ветки, ошметья грязной, быстро тающей пены. А еще он разносил по свету дымы окрестных деревень, стойбищ инородцев и скитов – тайных убежищ старообрядцев. Они затерялись в тайге и в горах, в надежде уберечь себя и свою веру от Антихриста, который воцарился, по их разумению, на земле после Великого раскола, учиненного патриархом Никоном.

Воет ветер... Гонит пенистые волны... Гнет молодой лес, но стоят, не поддаются его напору кряжистые кедры и узловатые лиственницы... Ветер, небо, ночь... А под звездами – огромный мир, в котором есть место каждому...

Глава 4

Только-только засветлело небо. Подступившую к берегу тайгу окутывал серый туман, но уже кричали петухи, а над трубами темных от мороси изб курчавились первые дымки. Натужно мычали коровы, звенели о дно подойника струйки молока, блеяли в загонах козы и овцы, лениво перебрехивались собаки. А несколько кудлатых, со слипшейся шерстью псов сидели на косогоре, к которому от пристани вела узкая извилистая тропка, и наблюдали, как подходит пароход и бросает якорь в сотне сажений от берега. Тотчас от него отвалила большая лодка с двумя гребцами и устремилась к пароходу за пассажирами.

На косогоре их дожидалась коляска, запряженная тройкой лошадей, и три казака: один – молодой в форме урядника и два рядовых – возрастом лет на десять постарше, в овчинных папах и синих чекменях. В поводу они держали несколько лошадей. Судя по широким, слегка прогнутым спинам, предназначены они были для перевозки багажа, который спускали с парохода в крупноячеистой сетке прямо в лодку. Затем в нее по веревочному трапу сползли две мужские фигуры. Гребцы помогли им устроиться на сиденьях и закрыли сверху куском брезента от проникающей всюду мороси.

Пароход дал пару коротких гудков, его колеса начали вращаться, винт вспенил воду, и через мгновение лодка отвалила от него, и гребцы направили ее к берегу. Урядник спешился и побежал вниз по косогору. Лодка достигла мелководья. Один из гребцов перебросил казаку цепь, сам спрыгнул прямо в воду и принялся толкать лодку в корму, а урядник тянул ее за цепь. Нос лодки благополучно выполз на гальку, а ее пассажиры поднялись на ноги. И один из них, маленького роста, худощавый, тут же попал в объятия молодого казака, который был головы на две выше его.

– Иван Лександрыч, – казак почти вынес Вавилова из лодки и принялся трясти за плечи, прижимать его голову к своей необъятной груди и даже прочувственно шмыгать носом, – Иван Лександрыч, а мы вас уже и не чаяли увидеть! Думали, опять в последний миг какая зараза остановит.

– Зараза у нас одна – начальство! Да еще жулики, которым дела нет, что нам тоже в отпуск хочется. – Иван наконец освободился от объятия казака. Оглядел его критическим взором с ног до головы и подал ладонь. – Ну что, Гаврюха, здорово! – И одобрительно покачал головой: – Возмужал, паря, дюже возмужал! В урядники, гляжу, пробился! И усы вон какие отрастил, точно вейник под забором.

Казак крепко стиснул ему руку, счастливо улыбнулся.

– С приездом вас, Иван Лександрыч! Как добрались? Ночью на реке зябко, не замерзли под казенным одеялом?

– Было дело! – засмеялся Иван. – Схватил нас под утро с Алексеем такой колотун, что пришлось по стопке водки пропустить, чтоб согреться. Знакомься, Гаврюха! Это мой первейший друг и товарищ по службе Алексей Дмитрич Поляков. Тем же

делом, что и я, промышляет, жуликов и болдохов исправно ловит, потому и отпуск нам вместе дали.

– Добро пожаловать в наши края, Алексей Дмитрич! – Парень степенно пожал ладонь Алексею и окинул взглядом его городской костюм. – В тайге приходилось бывать или в первый раз наведались?

– Приходилось, – улыбнулся Алексей, – в прошлом году месяц бандитов по тайге да степи вылавливали, но чуть западнее, в Тесинском уезде.

– Знаю те края, – ответил Гаврюха, – мы туда по осени табуны гоняем в обмен на зерно да картошку. Самим нам недосуг огородами заниматься. Граница много времени отнимает. Контрабандист нонче злой пошел, так и ломит, так и ломит. А намедни приказ пришел, по тайге скиты шуровать... – Он вздохнул. – Батя в затылке скребет, не знает, что делать. Многие наши казачки в родове своей староверов имеют...

– А... – Алексей открыл было рот, чтобы развить тему, но Иван благоразумно перехватил инициативу в свои руки.

– Погоди пока, – он взял Алексея за рукав, – после спросишь. – И обратился к Гавриле: – Нам бы переодеться где-нибудь по-дорожному.

– Это мы мигом, – засуетился казак, – сейчас всю вашу поклажу к деду Семену доставим. Его изба тут недалече, в десяти шагах...

Их встретил рослый старик с густой в седых подпалинах бородой. Войлочный капелюх насаждал на его широкие лохматые брови. Глаза его весело щурились. Здороваясь, он поочередно, начиная с Ивана, подал всем свою большую руку.

– Вот и к нам люди заглянули! Добро пожаловать, гости дорогие! – басил старик, помогая казакам привязать лошадей к забору. – Хорошему человеку у нас всегда рады. Изба у меня большая, места всем хватит! – Он протянул руку в сторону просторной, в шесть окон, избы с шатровой крышей. В палисаднике буйно цвела сирень, а по забору прохаживалась кошка, при каждом шаге брезгливо стряхивающая лапками. Только теперь Алексей заметил, что морось прекратилась, туман поднялся вверх и сквозь него уже всю высвечивает ослепительная голубизна неба.

Тройку тем временем загнали во двор. Дед пригласил всех прибывших в избу. Но вслед за городскими гостями в нее прошел лишь Гаврила. Остальные казаки остались под навесом во дворе. «При конях», – как пояснил старший из них.

В просторных сенях находился верстак, висели сети, починкой которых занимались две пожилые женщины, стояли у стены сундуки, обитые железной полосой и покрытые домоткаными ковриками. Из сеней прошли на кухню, отделенную от горницы дощатой стеной. Огромная русская печь, длинный стол, рукомойник в углу, навесная полка с посудой и глиняными горшками... Чугунные горшки стояли на шестке, и от них натягивало сытными запахами каши и топленого молока.

Кошка, которая только что гуляла по забору, шмыгнула у них под ногами и заскочила на печную лежанку. С нее послышался ворчливый старушечий голос. А хозяин пояснил:

– То матушка моя! По зиме девяносто годков стукнуло. – И крикнул весело: – Вставайте, маманя! Гости к нам пожаловали!

Бабка закричала и заворочалась на печи, а они прошли в горницу. В ней стояла кровать, застеленная белым пикейным покрывалом с подзором и горой подушек в кружевных наволочках. Полы сплошь укрывали домотканые половики. А чистота была такая, словно в горнице никто никогда не жил. Полы, столы, подоконники избы были выскоблены добела, как это принято в сибирской деревне. За образами в переднем углу виднелся пучок вербы, ниже лежало несколько пасхальных яиц и стояла бутылка, вероятно, со святой водой. И здесь же находилась толстая книга в кожаном переплете с медными застежками.

Алексей толкнул Ивана локтем и показал глазами на книгу. Тот скорчил свирепую гримасу и отрицательно покачал головой. Наверняка книга была простым Евангелием и интереса особого не представляла. Но Алексей все же взял ее на заметку, чтобы при удобном случае поинтересоваться у хозяина ее возрастом.

Тем времени казаки внесли их багаж и завалили горницу баулами с дорожными вещами. Алексей и Иван быстро переоделись по-походному: в высокие сапоги, шаровары из толстой бумазеи, рубахи из солдатского полотна и тужурки из грубого казенного сукна. Их им выдавали на службе на случай непогоды, так же

как и дождевики из темной плотной ткани, шуршащей при каждом шаге. Поэтому для служебных надобностей они подходили плохо, а вот для тайги – в самый раз. Об этом Алексей знал по собственному прошлогоднему опыту и к нынешней поездке подготовился должным образом.

Хозяйка, высокая старуха в низко надвинутом на глаза платке, подала на завтрак сковороду с глазуньей на сале и еще одну, с сочными, изжаренными на масле с луком сигаами. Не обошлось и без стопки водки. Хоть и рано еще, но с дороги положено! Тем более путь до станицы предстоял долгий, так что за его успешное завершение тоже приняли чуток, затем бог велел выпить за хозяев, потом за гостей...

Дед, приняв на грудь, разговорился. Иван начал расспрашивать про снасти, нужные для ловли хариуса и щуки, и можно ли добыть тайменя острогой, а осетра сетью. Дед со снисходительной улыбкой посвящал городского гостя в тайны рыбацкого промысла. Гаврила дремал, привалившись головой к стене. После Алексей заметил, что поспать он мастак, и только выдастся свободная минута, как уже слышен его молодецкий храп.

Алексей вышел на кухню. Хозяйки не было, а возле печки сидела на низкой скамеечке маленькая, высохшая, как опенок, бабка в темном платье, застегнутом под самый подбородок, и в таком же платке. Уже знакомая ему кошка терлась о бабкины колени и мурлыкала. Старуха держала на коленях деревянную чашку и выуживала из нее деревянной же ложкой кашу, то отправляя ее себе в беззубый рот, а то скидывая под ноги кошке.

Некоторое время Алексей наблюдал за ними, затем подошел и, опустившись на корточки, заглянул бабке в лицо.

– Здравствуйте, бабушка! – сказал он громко, подозревая, что та не только подслеповата, но и глуховата.

Кошка порскнула в сторону и, заскочив на лежанку, принялась усердно намывать гостей. Старуха вздрогнула и испуганно уставилась на него маленькими тусклыми глазками. Левый полностью затянуло бельмо. Но она все же разглядела, что перед ней незнакомый человек. Прикрыв чашку ладонью, принялась быстро-быстро креститься двумя перстами и визгливо, на удивление звонко, кричать:

- Изыди, сатана! Отчепись, анчихрист!

- Бабушка, - Алексей поднялся на ноги, - я только спросить хотел...

Но старуха продолжала голосить и даже плюнула в его сторону. Из сеней показалась хозяйка, из горницы - хозяин. Алексей виновато развел руками:

- Я ведь только поздоровался.

- Бабка у нас по старой вере живет, - вздохнул хозяин, - даже пищу отдельно принимает. За печкой у нее и молельня своя. Туда нам ходу нет. И блажит, если кто из чужаков подходит. Видишь, миску закрыла. Боится, что бесы в ее кашу проникнут.

- Раньше она в скит ходила на моления, верстах в пяти от села, а после его солдаты сожгли, так она теперь дома молится, - подала голос хозяйка и сокрушенно вздохнула: - Одна беда с ней!

- Я хотел про книгу спросить, ту, что на божнице лежит. Узнать, сколько ей лет? - пояснил Алексей свой интерес к бабке.

Лицо старика неожиданно изменилось. Он смерил Алексея подозрительным взглядом.

- Тоже, что ль, про древние книги разведать хотите?

- Хочу, но почему - тоже? Разве до меня кто-то еще о них спрашивал? - насторожился Алексей.

- Да, было дело! - пробурчал нехотя старик и посмотрел на Гаврилу.

- Говори, дед! Им можно, - успокоил его казак.

Дед крякнул, почесал в затылке и нехотя стал рассказывать, но глаза старательно отводил в сторону, из чего Алексей сделал вывод: он знает гораздо больше и говорит, только чтобы отвязаться от назойливого горожанина.

– По прошлом лете заявился к нам один городской. По всей округе рыскал, про книги древние спрашивал. Особливо про Четьи минеи и те, что рукою писаны. В скиты пытался попасть, да к пустынножительным заимкам пробиться, но не получилось. Туда ему дорог не показали. Тогда он бабок наших принялся обхаживать, тех, что бобылками живут. К мамке моей тоже наведывался, так я его так пужанул, что он до угла бежал и все оглядывался, не догоню ли. У старух в загашниках, конечно ж, кое-что имеется, но разве они выдадут божьи книги никонианину, псу шелудивому. Для них все, кто щепотью крестится, – псы вонючие да изверги рода человеческого. Одну бабку, Измарагду Арсеньеву, каким-то образом уломал, решила она показать ему какие-то книги, а после вроде учуяла от него запах табака и наотрез отказалась даже из избы выйти.

– А как он выглядел? Как представился? – быстро спросил Иван и переглянулся с Алексеем.

– Мне он не представлялся, поскольку никакого заделья ко мне не имел. Может, старухам, возле которых вертелся, как-то и назывался, про то не знаю и сказать ничего не могу. А был он из себя белесый, волосы редкие, назад он их зачесывал, да еще все время рукой отбрасывал со лба. На носу очки круглые. Борода клином, но маленькая совсем, с кулак – не больше, усы у нашей кошки гуще, чем у него. Ростом, – он смерил взглядом Ивана, – повыше вас на голову. Вот и все!

– И что ж, он за книги большие деньги предлагал? – спросил Алексей.

– Нет, деньги бабки не принимают. Деньги от Анчихриста. Но он не просил продать их, просто посмотреть.

– Удалось ему их увидеть или вы не знаете об этом? – спросил Иван.

– Не знаю, – развел руками дед, – но уже после его отъезда полыхнули сразу две избы, в которых у нас одинокие старухи проживали. Та же Измарагда Арсеньева. Обе в огне погибли. Урядник долго потом в золе копался. По его словам, бабок сначала убили, а после избы подпалили.

– Их ограбили? – уточнил Алексей.

– Добра у них особого не было, и то все выгорело. Но самое странное, что книжки-то не сгорели!

– В огне уцелели? – поразился Иван.

– Нет, от огня их не спасти, горят, как порох, – вздохнул дед. – Просто книг в избах не было, когда те огнем занялись. Урядник ничего в пепле не нашел, а ведь застежки и бляхи медные не горят. Выходит, или старухи книги те не в избах хранили, или кто-то их украл, а потому и бабок убил. И избы поджег, чтобы следы замести.

– Этого человека искали? – спросил Иван.

– А про то нам неведомо. – Старик взмахнул рукой, приглашая гостей в горницу. – Пройдемте к столу, а то вся рыба остыла. – Но на пороге вдруг остановился и пристально посмотрел на Алексея. – Урядник по тем случаям всех в селе опросил, а поймал ли того байстрюка в очочках, про то нам не докладывали. Да, – встрепенулся он, – дня через два урядник у нас в Мотылеве покажется, если хотите, расспросите, что к чему.

– Через два дня они уже в Пожарской будут, – ухмыльнулся Гаврила и заторопил гостей: – Давайте быстрее, рыбу доедим, да в дорогу!

– А чаю попить или молочка? – заволновалась хозяйка. – Это ж не по-людски, чтоб без чаю в дорогу отправляться.

– Ладно, чаю тоже поьем, – согласился Гаврила, – но чтобы долго не рассиживаться. Надо выезжать, пока прохладно. А как до тайги доберемся, там жара уже не страшна, только от мокреца[8 - Мокрец – мельчайшее ядовитое насекомое, которое не жалит, а прямо-таки выгрызает кусочек кожи.] да от паута[9 - Паут – сибирское название овода.] отбиваться придется. В этом году гнус страсть какой злой!

Глава 5

Дорога до станицы шла сквозь глухую, забитую буреломом тайгу, по дну ущелья вдоль бурной порожистой реки Кызыр. Сдавленная скалами и лесом, мчала она мутные воды в низовья, где теряла свою силу и, разбившись на множество

проток, привольно разливалась по степи. Слева, за отвесными уступами берега, прятались в облаках вершины белков,[10 - Белки - горные вершины, на которых снег лежит даже летом.] а справа, теснясь к реке, подступал грозный Тензелюкский голец. На его крутых склонах с проплешинами оползней и серыми лентами курумов[11 - Курумы - россыпи огромных камней.] вволю погуляла стихия, оставив после себя царство хаоса, где что-то сохранилось и торчало острыми изломами и зубцами, другое провалилось, повисло и обрушилось... Беснующиеся ручьи срывались с его отвесов ревущими водопадами, восточными минаретами и куполами проступали на фоне ослепительно голубого неба тенистые скалы.

В самом ущелье было сумрачно, пахло сыростью и гнилым дуплом, но сквозной ветер прогнал мошку, и путники откинули с лица сетки накомарников. Прохладный воздух был наполнен ароматом каких-то цветов, который перебивал запахи мхов и обветшавших скал. В нем мешалась ванильная пряность с гвоздичной свежестью и еще с чем-то незнакомым, но очень нежным и приятным.

- Надо ж такому цветку пахучему народиться, - Иван высунул голову из коляски, пытаюсь отыскать взглядом неизвестное ему растение. - Что ж это за одурь такая?

- Так это белогорский чай, куда лучше лавочного, - рассмеялся Гаврила, который всю дорогу ехал верхом рядом с коляской. - Она его сколько! - Он махнул рукой в сторону гольца, подножие которого, казалось, затянуло розовой кисеей.

Подъехали ближе. Заросли мелкого кустарника с аршин, а где и ниже высотой, с кожистыми, размером с ноготь, листьями и розовыми, разных оттенков, от светлого до темного, цветами затянули россыпи камней, вытеснив другие растения. Гаврила наломал веток с цветами, затолкал их в чересседельную сумку.

- К обеду чай заварим. Один раз попьете, лавочного на дух не надо будет.

Иван вновь отвалился на подушки. Одну веточку он прихватил с собой в коляску и, вдыхая тонкий аромат багульника,[12 - Белогорский чай, багульник - сибирское название вечнозеленого рододендрона душистого.] таял от блаженства. Алексей не лез к нему с разговорами и пытался дремать под

мерный стук лошадиных копыт и скрип колес. Везли их чуть ли не с царскими почестями. Казаки вели в поводу двух оседланных лошадей, на тот случай, если гости соизволят проехаться верхом. Коляску заполнили сеном, закрыли его коврами, бросили несколько подушек, и Алексей, развалившись на них, почувствовал себя чуть ли не персидским падишахом. И подумал, что восточные владыки неплохо устроились, окружив себя подобными удобствами. Не хватало лишь пары юных наложниц да черных мулатов с опахалами, чтобы отгонять надоедливую мошкарку.

Иван полулежал рядом с ним, и на лице у него блуждала довольная улыбка. И Алексей, без всякого сомнения, мог сейчас поставить сто рублей против одного, что приятель тоже вспоминал не о начальстве и грезил не о служебных делах. И, конечно, мечты о будущей добыче были для Вавилова более сладкими, чем мысли Алексея о волооких, но совершенно нереальных в их положении наложницах.

Сено мягко пружинило, голова тонула в подушке, коляску раскачивало из стороны в сторону, и скоро все звуки слились в один – монотонно-убаюкивающий, напоминающий скрип колыбели или голос няньки, рассказывающей очередную сказку и засыпающей за каждым словом.

Алексей не заметил, как задремал, но необъяснимая, таившаяся где-то в самых глубинах его души тревога заставляла его то и дело открывать глаза и пялиться на голубой прямоугольник неба, видневшийся из коляски.

А резвая тройка продолжала тем временем мчать их дальше. Редкие облака сомкнулись над горами вдруг плотным слоем. Пошел дождь, но вскоре солнце прорвало тучи, и от ливня остался лишь сгусток тумана на груди гольца да лужи на каменистой дороге.

– Ты спишь? – поинтересовался Иван и сел, заткнув веточку багульника за ухо. Алексей повернулся на бок и, облокотившись, уставился на приятеля.

– С тобой поспишь, – произнес он насмешливо, – ворочаешься, сопишь, цветочек нюхаешь так, что мне слышно! Смотри, изойдешь на слюни еще до того, как в Пожарскую приедем. Поберег бы себя, что ли?

– Какие слюни? – Иван с досадой посмотрел на него. – Это ты дрыхнешь без задних ног, и сам черт тебе не брат! А у меня из головы рассказ деда Семена не идет. Про этого белобрысого в очках, что за старинными книгами охотился. Помнишь, когда мы за обозом наблюдали, из коляски человек выглянул?

– Помню! – Сон моментально пропал. Алексей тоже сел и внимательно посмотрел на приятеля. – Ты хочешь сказать, что он смахивает на любителя древностей из Мотылева?

– Хочу. Правда, видели мы его со спины, и сейчас я, пожалуй, вряд ли его узнаю, но все ж кое-какое представление об этом господине у нас имеется, а? – Он вопросительно посмотрел на Алексея.

Тот окинул его скептическим взглядом.

– Ты же в отпуске, зачем голову себе забиваешь? Или надеешься этого белесого в Пожарском встретить? Честно сказать, мне бы этого не хотелось.

– Почему? – совершенно по-детски удивился Иван. – Я думаю, у нас бы нашлось что у него спросить.

– Иван, кражей книг занимается Ольховский, – произнес Алексей с расстановкой. – И я не уверен, что ему понравится, если мы опять влезем не в свои дела.

– С каких это пор ты стал бояться перейти ему дорогу? – язвительно усмехнулся Иван. – И потом, ты здесь видел хоть одного его агента?

– А что им тут ловить? – Алексей взбил подушку повыше и с удовольствием откинулся на спину. Высокое небо в сугробах кучевых облаков заглядывало в коляску. Огромные пихты подступали к самой дороге, а громкий и разноголосый птичий гомон перебивал стукоток копыт.

– Ло-о-овить, – передразнил его Иван и покачал удрученно головой, – не узнаю я тебя. Что ж тогда к бабке привязался? Я ведь сразу заметил, что тебя книга возле божницы заинтересовала. Только кто ж положит древнюю книгу на виду? Слышал, как дед Семен рассказывал, с какими предосторожностями их хранят?

Чужому ни за что не покажут. И денег ни в какую не берут. Тогда спрашивается, как Чурбанову удалось прибрать к рукам книги, которые у него украли? Уж не из тех ли они, что этот белесый у бабок высмотрел?

– Знаешь, Иван, – Алексей опять сел, – а ведь Усвятлов, секретарь Чурбанова, тоже на этого белесого смахивает. Волос у него белокурый, только не редкий, а пышный. Он у него во все стороны распадается, поэтому и челку он со лба откидывает. И очки носит. Правда, бороды у него и усов нет, но ведь их в любой момент можно сбрить.

– Вот, видишь, – с торжеством в голосе произнес Иван и хлопнул себя по колену, – сколько интересного набралось! Я думаю, Илья Фомич не потому еще нервничал, что книги пропали. Он боялся, что о его грязных делишках проведают. Сам купец, конечно, не убивал, но всегда найдутся подлецы, что зарпуть с полтиной родных отца с матерью зарежут, а не то что бобылок безродных.

– Тебе версии строить, что забор городить, – усмехнулся Алексей. – Чурбанов эти книги и другим путем мог приобрести. Допустим, солдаты сожгли скит, но книги не уничтожили, а продали за приличные деньги тому же Чурбанову.

– Ну, тогда это не солдаты, а скорее офицеры постарались. Они люди грамотные, могли быстро сообразить, что к чему.

– Вот и еще одна версия. Думаю, Ольховский на нее и без нас выйдет. – Алексей потянулся. – По-дурному у тебя, Иван, мозги устроены. Как можно о делах без толку трепаться? Все равно вернемся в управление к самому разбору, а Тартищев и вовсе отыграется, всех «глухарей» на нас повесит.

– А я что говорю? – оживился Иван, услышав это слово. – Я все того «немного» офеню вспоминаю, «глухаря». Неспроста он за девкой шел, ох неспроста! Какая-то у него корысть была, не иначе, чтобы она ушла. А защищать ее не стал. Почему? И заметь, на махратника[13 - Махратник – пренебрежительная кличка торговцев мелочным товаром.] он мало похож. Я после прикидывал, думал, что меня в нем насторожило. А потом вспомнил. Выправка. У него явно военная выправка. Спина прямая и не сутулится, как настоящий офеня, который с малолетку на шее свой короб таскает. И рожа у него холеная. Не сытая, как у купчишки, не курносая. У него лицо барина и повадки барские, и рожу эту

никакой одежкой и бородой, даже самой лохматой, не скрыть, Алеша! Это я тебе доподлинно скажу.

- Когда ты успел все разглядеть? - удивился Алексей.

- Сноровка, - усмехнулся Иван, - походишь с мое за всякой шушерой и не такое научишься замечать и запоминать. Даже то, что сапоги у него юфтевые, хороший сапожник их тачал. Привык наш лоточник к удобной обуви, и, кажется, он птица такого полета, что ему наплевать, что мы с тобой его засекали.

- Ты думаешь, он из жандармов?

Иван пожал плечами.

- Тех, кто у Лямпе служит, я всех знаю, и у Ольховского, до самого вшивого, последнего разбора филера... Нет, этот не из наших. И определенно действовал не в ногу с людьми из охраны. Он, скорее, прикрывал эту «монашку». Может, они одной с ней компании?

- Постой, - прервал Алексей Ивана, - по-твоему выходит, за этой раскольницей следили не только мы и агенты охранного отделения, но и кто-то третий, кому нужно было, чтобы девица благополучно скрылась?

- Воистину так, - закивал головой Иван, - кто-то третий, кого мы не знаем. И он определенно не здешний. Я же сказал, что всю шушеру Лямпе и филеров Ольховского за версту вычислю. А этого парня я встретил в первый раз. Не думаю, чтобы у Лямпе новый агент появился, да еще такого высокого класса, а я бы об этом не узнал. И я только сейчас понимаю, как здорово он нас провел!

- А по мне, так это он чуть не обмишурился, - Алексей пренебрежительно скривился, - надо было додуматься немым прикинуться. Не будь мы в запале, тут же его бы за жабры взяли!

Иван хитро прищурился.

- В этом весь и шик, Алешка! Наш «глухарь» хорошо знает, что человеку, если он в азарте, в мозги все, что угодно, можно надуть. Вот он и надул пузырей, будто

немой, а когда мы поняли, что он нас объегорил, его и след простыл.

– Что теперь об этом вздыхать, – с досадой произнес Алексей, – меня больше эти ратники волнуют. Я, честно сказать, хотел деда о них расспросить, а потом смотрю, он про блондина с бо-о-ольшим нежеланием рассказывает, ну и не стал его пугать. Тут в глубинке у них свои отношения, свои обычаи, и наверняка не все староверов порицают...

– Ты говоришь, Усвятюв сильно испугался, когда ты про эту девку в бахотне сказал?

Алексей молча кивнул в ответ.

– Меня, по правде, тоже в дрожь бросает, когда ее вспоминаю. До сих пор спина ноет, после того, как она меня своей палкой приветила. – Иван покачал головой. – Первый раз вижу, чтобы баба так отчаянно дралась. Я ведь тебе не сказал тогда, думал, ошибся сгоряча, но у нее под балахоном, похоже, бахтерец был надет. Не каждому мужику под силу такую тяжесть таскать, а она в нем не только бегала, но и на лошадь вскочила.

– Что еще за бахтерец? – удивился Алексей новому слову.

– А это что-то наподобие лат или кольчуги, только из плоских бляшек, – пояснил Иван. – Казаки его раньше под кафтан надевали, чтоб от копья или сабли уберечься. А девка наша, видно, от пуль себя защищала. Явно ученая, знала, что наверняка стрелять будут, а... – Он прервался на слове, потому что в коляску вновь заглянул Гаврила.

– Через версту переправа будет, так что вам лучше на верховых пересечь. А после нее биваком на часок станем, чтобы пообедать. – Он взглянул на небо. – Если дождь не соберется, к вечеру в станице будем. – Он перекрестился. – Лучше не загадывать, но всего тридцать верст осталось. Посуху кони-звери за три часа домчат.

Алексей и Иван пересели на лошадей. Честно сказать, лежание на боку изрядно им надоело, и они легкой рысцой направились вслед за Гаврилой к переправе. Дорога вильнула вбок, обходя огромное нагромождение камней, следы старого обвала, и тут впереди грохнули выстрелы – один и через пару секунд, раз за

разом, еще два. Эхо ударилось о стены утесов, загрохотало, наслаивая одну звуковую волну на другую. Следом разразилась ведьмячим криком кедровка, заверещали испуганно первейшие таежные сплетницы сороки и, снявшись с деревьев, бросились в разные стороны разносить по тайге последние новости. Чудовищная какофония, к которой примешались крики людей и конское ржание, заставила всадников пустить лошадей в галоп, и через несколько мгновений они вынесли своих седоков на крошечную поляну.

С этого места и начиналось то, что Гаврила гордо называл «переправой» и что человека неискушенного ввергало в известное состояние, про которое говорят: «Поджилки затряслись!» Никакого моста, в прямом смысле этого слова, не было и в помине. Просто поперек реки висели на цепях два длинных бревна, скрепленных между собой железными костылями, а вместо поручней приспособили два толстых пеньковых каната, изрядно провисших и истертых множеством рук безумцев, осмелившихся доверить свою жизнь сомнительному сооружению.

«Мост» скрипел и раскачивался на цепях. Трое солдат с винтовками в руках пытались удержать на скользкой поверхности слегка обтесанных сверху бревен огромного кудлатого мужика в расплосованной до пупка грязной рубахе. Был он босиком, его длинные волосы схватывал ремешок, лицо заливала кровь, но он продолжал вырываться даже тогда, когда солдаты заломили ему руки за спину и несколько раз пнули в живот. И лишь после удара прикладом под вздох мужик замотал головой, как одуревший от гнуса сохатый, и обвис у них на руках, почти касаясь лохматой головой настила.

Солдаты, матерясь, волоком протащили его по бревнам, но лишь ноги мужика коснулись земли, он зарычал яростно и вдруг, распрямившись как пружина, разметал служивых в разные стороны. Двое попадали на траву, но третий остался на ногах и вскинул винтовку. Мужик, подхватил с земли камень, расправил плечи... И в этот момент солдат выстрелил в него, один раз, второй, третий... Мужик покачнулся, попытался поднять руку, сделал шаг в направлении стрелявшего и вдруг, словно споткнувшись, повалился лицом в траву. Руки его скребли по земле. Казалось, он все еще ищет точку опоры, чтобы подняться. Стрелявший в него солдат осторожно приблизился к нему, постоял мгновение, поднял винтовку и с размаху вогнал штык ему между лопаток. Тело мужика вздрогнуло и затихло. Солдат выдернул окровавленный штык, снял его и деловито вытер о траву, а после примкнул к винтовке с выражением полного равнодушия на лице.

– Господи, что они себе позволяют? – вскинулся Алексей.

Но Иван придержал его за руку.

– погоди, у них есть старший. Не будем лезть не в свое дело!

Алексей выругался, но он понимал, что солдат вряд ли переступил через приказ. Видимо, мужик был слишком опасен, и солдатам велено применять оружие при любой попытке сопротивления.

Тем временем стрелявший остался у неподвижного тела, а два других солдата бросились назад к мосту и, ухватившись за перила, стали заглядывать вниз и что-то кричать при этом. Только теперь Алексей заметил на противоположном берегу несколько оседланных коней и телегу. Еще три или четыре солдата, хватаясь руками за хилые кустики ольхи, пытались спуститься по крутому противоположному берегу вниз. Но без веревок там делать было нечего. И они наконец оставили свои безуспешные попытки и бегом направились к своим товарищам на мосту.

Река рычала и катала внизу огромные валуны. Водяной бус[14 - Бус – мельчайшая водяная пыль.] повис в воздухе. В нем стояли крутые радуги, а бревна и канаты почернели от влаги. Солдаты заметили всадников и бросились им навстречу, размахивая руками, и, видимо, что-то кричали, предупреждая или угрожая, но все звуки заглушал дикий рев реки.

Первым на поляну выскочил рыжий и усатый унтер-офицер с кровившей ссадиной на лбу и оторванным погоном. Выхватив револьвер, он подскочил к Гавриле и принялся рвать у него повод из рук.

– Проваливай, проваливай! – орал он надсаженным голосом, срываясь на хрип. – Не положено!

Гаврила растерянно оглянулся на гостей. Иван спешился и неторопливо подошел к унтеру. Алексей заметил, как напряглась спина приятеля, а походка приняла кошачью грациозность и вкрадчивость. На всякий случай он тоже спешился и нащупал в кармане «смит-вессон». Гаврила последовал его примеру, и они стали плечом к плечу, наблюдая за Вавиловым.

– Чего орешь? – Иван остановился напротив унтер-офицера. – Что тут у вас не положено?

Тот, похоже, опешив на мгновение от такой наглости, вытаращил глаза на Ивана. Он был унтеру по грудь. И офицер тут же разразился такой срамной отповедью, что даже выдавший всякое Вавилов поморщился.

– Уймись и объясни, что происходит.

Унтер смолк, окинул Ивана угрюмым взглядом, затем перевел его на Алексея и Гаврилу, но орать перестал, лишь выставил перед собой револьвер и устало приказал:

– Не подходить! Пристрелю на месте!

Тогда Иван вытащил карточку агента и не торопясь сунул ее под нос унтеру.

– Полиция! По важным делам. – И, вернув карточку на место, высокомерно спросил: – Умылся? А теперь доложи, что здесь произошло? – Кивнул на убитого мужика: – Беглый, что ли?

– Кабы беглый. – Унтер удрученно почесал в затылке, сдвинув фуражку без козырька на лоб. – Хотя и такое можно сказать. Направили нас неделю назад по скитам рекрутов набирать. А они ни в какую. Закрылись в избах и пожгли самих себя. Даже детей малых не пощадили. А этого с парнишкой, сыном значит, на подходе к скитам зацапали, когда те уже огнем полыхнули. Оне, видно, на рыбалке были, потому что торбу с рыбой несли и сети. – Он вновь оглянулся на товарищей, которые пытались спуститься вниз. – Только до моста их и довели. Повели на другой берег, а парнишка нашего одного толкнул, да и сам следом за ним с моста, щучкой. Наш-то на отмель упал, а парнишка в порог ушел. Оттуда ему в жисть не выплыть. А батяня его, вишь, взъярился, пришлось утихомирить. – Он кивнул на неподвижное тело. – По мне, лучше его здесь оставить. Тащить труп резону нет, одна морока... Но если не приволоку, то и вовсе не оправдаться. – Он махнул рукой. – Ладно, проезжайте, а мы все ж попытаемся Васькино тело поднять. Негоже его на потраву зверью оставлять.

– Может, помочь? – спросил Иван.

– Благодарствую, но мы сами управимся. Сейчас веревки навесим. Нам это не впервой. На днях лошадь из болота вытаскивали, а позавчера одного на переправе водой сбило, чуть по камням не размазало вместе с конем... – Он обернулся и закричал уже своим товарищам, тыча рукой в сторону Ивана: – Эй, погодь, братцы! Погодь пока! – И когда те замерли на мосту, махнул в сторону противоположного берега: – Вертайтесь назад!

Солдаты, то и дело оглядываясь, поплелись гуськом в обратном направлении. А казаки принялись готовить лошадей к переправе. Тройку распрягли. Остальных коней расседлали и всем закрыли глаза шорами. Переводили каждую лошадь отдельно. Осторожно ступая по бревнам, один казак вел лошадь в поводу, другой держал ее за хвост. Животные шли спокойно, было видно, что этот мост они переходили не первый раз. Затем настала очередь коляски. Два казака ухватили ее за оглобли, два подталкивали сзади, и она тоже благополучно перебралась на противоположную сторону.

Со стороны это казалось вполне простым делом, пока Алексей сам не ступил на шаткий настил, который дрожал и сотрясался от каждого маломальского движения. Конечно, он делал все, чтобы не осрамиться перед казаками, и изо всех сил сдерживал себя, стараясь не зажмуриться от страха. Но, делая очередной шаг, всякий раз прощался с жизнью. Два дюжих казака ухватили его под руки и стиснули с двух сторон. Умом он понимал, что подобная опека не совсем к лицу агенту сыскной полиции. Но его совесть при этом дремала, а душу грела мысль, что Ивана окружили не меньшей заботой, и он, кажется, вполне ею доволен. Правда, Алексей сделал слабую попытку освободиться от железной казачьей хватки, но Гаврила крикнул ему, чтобы он вел себя осторожнее, потому что с непривычки на такой высоте может закружиться голова...

И Поляков понял, насколько казачок прав, когда они достигли середины переправы. С берега казалось, что бревна едва заметно покачиваются, на самом деле мост мотало из стороны в сторону, как лодку в жесточайший шторм. Порой Алексей чувствовал себя канатоходцем, порой моряком, застигнутым ураганом на палубе утлого суденышка. Перила только мешали сохранять равновесие, а далеко-далеко внизу бесновалась река, безжалостно крутила водный поток и с размаху била его о гранитные утесы берегов и об огромные глыбы, торчащие со дна и отполированные ею до зеркального блеска. На одном из этих камней виднелось светлое пятно – тело погибшего солдата.

Алексей на мгновение бросил взгляд вниз и почувствовал, как тошнота подступила к горлу. Но этого взгляда ему хватило, чтобы понять, какой опасности подвергают себя солдаты, пытаясь достать погибшего товарища. В нем даже проснулось уважение к ним, хотя еще четверть часа назад он едва сдержался, чтобы не ввязаться в драку на стороне мужика.

Иван был прав. Солдаты выполняли приказ, и он не должен вмешиваться в их дела.

Мост вдруг по-особому сильно качнуло, а вместе с ним качнулось и ушло в пятки сердце Алексея. Холодная испарина выступила на лбу, а к горлу подкатил комок и стал настойчиво проситься наружу. Но сзади Полякова опять подхватили под локти чьи-то сильные, надежные руки, и голос Гаврилы мягко произнес за спиной:

– Закройте глаза, Лексей Дмитрич, а то по первости и вниз загреметь немудрено.

Наконец они миновали мост. Казаки принялись запрягать тройку, а Иван и Алексей в сопровождении Гаврилы отправились дальше верхом. Солдаты проводили их мрачными взглядами и взяли в повод лошадей, чтобы пройти по мосту тот же самый маршрут, но в обратную сторону.

Всадники ехали некоторое время молча. Первым не вытерпел Иван.

– Слухай, Гаврюха, – обратился он к казаку, – и часто у вас подобные безобразия творятся? – кивнул он в сторону моста.

– Да когда как, – нехотя ответил тот и отвел взгляд в сторону. – Добром со староверами трудно договориться. Чуть что, и запольхали скиты огнем, но бывает, они заранее узнают, что солдаты идут, тогда снимаются всем табором и дальше в горы уходят. Пешком или на плотах...

– А кто ж их предупреждает? – не сдавался Иван.

– То нам неведомо. – Гаврила и вовсе отвернул голову, словно вид желтых глинистых откосов занимал его гораздо больше, чем вопросы по-полицейски дотошного гостя.

Но Алексей решил внести свою лепту в допрос казачка и с самым невинным видом спросил:

– А кто из местных староверов носит балахоны с красной каймой? Да еще серебряное кольцо на указательном пальце?

Спросил и тут же пожалел об этом. Казачок побледнел и посмотрел на него с таким ужасом, словно не Алексея увидел, а воплощение дьявола на земле. Не удержавшись, Гаврила перекрестился и прошептал побелевшими губами:

– Забудьте, что спросили, Лексей Дмитрич, иначе до станицы точно не доберемся! – И вновь перекрестился на уходящие за горизонт синие пики гор.

Глава 6

День угасал. Станичный, или, как его называли по донским еще обычаям, кошевой атаман Никита Матвеевич Шаньшин уже не раз отправлял дворового казака Семена к околице посмотреть, не едут ли долгожданные гости. По его меркам они припозднились изрядно. Уже и баню второй раз протопили, и водку в ледник спустили, чтобы не нагрелась. Жара в этом году стояла не по июньским дням лютая: смола на крытых лиственничной плахой крышах вскипала, а на крыльцо босиком не выйдешь – жжет пятки, точно по раскаленным угольям ступаешь.

От околицы, с горы, хорошо видна дорога версты на три, если не больше. Дальше она уходит за крутые отроги хребта, что загородил Пожарскую от пронзительных северо-западных ветров. Почти двести лет назад заложили здесь станицу казаки Антона Пожарского, бедового атамана, что привел своих людишек на самую окраину Российской империи, когда еще и хода на Байкал не было. Поначалу построили маленькую деревянную крепость и стали стражей на границе Урянхайского края, и до сих пор стоят, не давая проникнуть свирепым маньчжурским хунхузам и ловким контрабандистам с дешевым китайским товаром.

Пятьдесят лет живет на этой земле Никита Матвеевич, но в минуты редкого безделья более всего любо и дорого ему посидеть на высоком крыльце своего нового дома, отдавшись мыслям и созерцая лежащие внизу, под горой, поляны, по которым бродят выведенные в ночное кони, а над ними высятся белесые от старости скалы да могучий лес с кедрами в три обхвата. Это вотчина казаков. В сентябре вся станица выходит сюда на заготовку кедровых орехов...

Атаман перевел взгляд на высокий, поросший редколесьем бугор. Он принадлежал казакам, но земли на нем не пахали, потому что он был далеко от станицы. Иногда, правда, там пасли скотину, вот и вся польза для станичников. Но с недавних пор на него стали заглядываться переселенцы из Малороссии, основавшие лет десять назад село Полтавку, верстах в восьми от станицы Пожарской. Их земли, расположенные в низине, частенько заливало весенними и осенними паводками, лишая крестьян и так не слишком богатого урожая. Земли на бугре от паводков не страдали, и полтавчане давно примеривались к ним и уже второй год пытались уломать несговорчивого атамана отдать их в вечное пользование им за небольшую ежегодную плату.

Вот и сегодня рано утром в его канцелярии появились ходоки от крестьян. Не в первый раз появились, и Никита Матвеевич уже наизусть знал, что они скажут. И ответ у него был готов один и тот же:

– Не от меня зависит решение вашего вопроса, милейшие! – Голос у атамана хрипловатый, однако зычный: как гаркнет на майдане, вздрогнут не только зеленые первогодки, но и бывалые казаки, не один котел казенной каши съевшие в походах. Правда, в разговоре с крестьянами атаман старался голос не повышать, но на поводе у них не шел и всем видом показывал, кто здесь на самом деле хозяин, и нечего с пустыми просьбами лезть, все равно не выгорит... – Самолично распорядиться я не смогу, – сказал он устало.

Посланцы отвели глаза. Они тоже знали, что скажет Шаньшин дальше:

– Земли принадлежат войску. Нарезка производилась согласно высочайшему указу...

Конечно, с одной стороны, Никита Матвеевич хорошо понимал ходоков. Крестьянин-переселенец упорным трудом раскорчевывал себе пять-шесть десятин земли. Хорошо, если попадалась безлесная релка,[15 - Релка – сухой

гребень, прогалина, лужок среди кустарника (сибирск.)] тогда можно было обойтись без корчевки. Но доходил трудяга до края зарослей и бессильно опускал руки. Целина! Черт ее распашет! Но ведь не Никита Шаньшин гнал переселенцев на восток? Знали, на что шли...

Самые удобные земли в пойменной части реки царским указом были отведены казакам. Земли Сибирского казачьего войска тянулись вдоль границы на тысячи верст. Лишь незначительная часть этих угодий обрабатывалась самими казаками. Некоторое количество земель сдавалось в аренду крестьянам соседних деревень, причем чиновники Переселенческого отдела не слишком задумывались, удобны ли эти земли для мужиков. И только корейские и китайские арендаторы, которые обрабатывали землю исполу,[16 - Исполу - то есть отдавали за вычетом посева половину урожая.] радовались любому клочку пашни. Лишь сходил снег, они уже в поле. На коленях свою десятину проползут, каждый комочек в руках перетрут... А возле каждого надела - аккуратные кучки камней, которые узкоглазые работяги сносили со всего поля, так что после них любо-дорого землю возделывать, чем и пользовались казаки, приглашая корейцев или китайцев в свои угодья, на год-два, не больше.

- Ишь, бисова орда, - добродушно ворчали и качали головами станичники, наблюдая, как корейцы ползают по своим делянкам с раннего утра до позднего вечера. - Еще земля не прогрелась, а они уже копошатся...

Но к тому времени, когда в станице и в деревнях собирались, наконец, возделывать грядки и бросить в землю первые семена, у корейцев и китайцев уже и укроп в зонтик пошел, и лук всюю зазеленел, и редиска поспела, и морковь сладостью налилась...

Однако все же казаки стойко держались за свои привилегии и землю не разбазаривали. И тем острее становился из-за нее спор между станичниками и мужиками.

Крестьяне не понимали, почему атаман артачится. Ведь казаки бугор все равно не использовали. Зарос он дурной травой по саму верхушку. А их наделы в этом году опять затопила весенняя вода, впереди же обильные августовские дожди... Почему ж атаман не хочет понять их нужду и свою выгоду? Ведь они готовы заплатить за эти бесхозные, но так им необходимые земли.

– Нам, Никита Матвейч, без той земли на бугру – жизни нету. Ведь как наводнение – все чисто топит. Сами знаете. В избах вода поверх полу хлещется. Беда, да и только! А на бугру – земля подходящая: от воды высоко и к дому близко. Вам она совсем не с руки, на отшибе. Пустует земля. Хоть бы для виду кто распахал клочок. – Староста Полтавки Микола Перетяцько пытался убедить атамана и повлиять на решение вопроса в свою пользу. Мало ли удобной земли у пожарских казаков и без этого бугра, отхваченного при размежевке землемерами от полтавского земельного надела.

Но Никита Матвеевич не сдавался:

– Не могу, сказал же, не могу, милейшие! Не в моей это власти. – Он оглядел исподлобья сидевших перед ним крестьян. – Если хотите, перешлю вашу просьбу в канцелярию войскового атамана. Как там решат, так и будет.

– Э, ворон ворону глаз не выклюет! – Один из крестьян безнадежно махнул рукой.

– Нам эта земля дозарезу нужна, жить без нее не вмоготу, – продолжал гнуть свою линию Перетяцько. – Надо по всей справедливости, Никита Матвейч... Войдите в наше положение.

– А шо толковать? Запащемо осенью на зябь цю землю, та все! Бо вони, як собачня на сене, ни соби, ни людям! – вскинулся пожилой крестьянин с густой сединой в бороде и волосах. Все это время он исподлобья наблюдал за спором своего старосты с атаманом.

Микола хотел уладить дело миром. Но атаман смотрел на крестьян свысока и даже старосту не слишком жаловал. Вот и не выдержал один из самых крепких и уважаемых в селе полтавчан.

Атаман почувствовал скрытую угрозу в его словах и приподнялся из-за стола. В голосе Никиты Матвеевича прорвалось давно скрываемое раздражение:

– Но-но, милейшие! То есть как это – запащем? Казачью землю? Ты, паря, больно прыток, не по-нашенски это! Я ведь не посмотрю, что в соседях ходите! Гляди-ка, вызову станичников, они вам живо дорогу домой наладят. У нас за такие речи по головке не гладят!

– Та мы ни малы диты, шоб нас гладить. Як потребується, то и сдачи дамо. Не злякаємся. – Старик поднялся, сердито насупив сивые брови.

Перетяцько, побагровев от неловкости, все порывался что-то сказать. Но старик шикнул на него, и староста замолчал, виновато поглядывая на атамана.

Вслед за стариком поднялись остальные посланцы Полтавки. Перетяцько вновь попытался найти пути к соглашению.

– Никита Матвейч, лучше нам полюбовно договориться. Ведь мы и вправду соседи. Что ж лоб в лоб становиться? Сколько еще лет рядом жить!

Атаман посмотрел снизу вверх – вставать он не собирался, подчеркивая этим свое хозяйское положение. Да и почему он должен кланяться каким-то мужикам, провожать их... Он их ни по делам, ни тем более в гости не приглашал.

– Закон не позволяет! Закон! – произнес он с расстановкой, но решительно, отсекая возможность дальнейших переговоров.

– Смотри, атаман! – Старик криво усмехнулся. – Отольются тобі наши слезки. Кабы сам кровушкой не умылся.

– Ах, ты!.. – Шаньшин задохнулся от гнева. Вскочил и, топорща в ярости усы, гаркнул: – Петро! Иван! – И когда два дюжих казака при шашках и нагайках выросли на пороге, махнул рукой на мужиков: – В шею их, в шею! И чтоб даже шагу на крыльцо, чтоб в станицу вовсе, – он перевел дыхание и крикнул уже в спину торопливо покидавшим канцелярию посланцам Полтавки: – ...не пущать!

Никита Матвеевич вздохнул и поднес к глазам казенную бумагу с инструкцией, писанной неким полковником Кудряшовым, в которой разъяснялся порядок охраны границы иррегулярными, то есть казачьими, войсками.

– Ишь ты, – атаман сердито отбросил бумагу, – писака! И близко не стоял с казаками, а вишь выдумал! Иррегулярные войска! – произнес он с презрением и сплюнул с крыльца. – Допрежь, чем писать, на границе надо побывать и не на коняке проехать, а на пузе вдоль нее проползти. – Он опять сплюнул и еще с

большим негодованием произнес: – Развели в штабах баглаев.[17 - Баглай – дармод (диалект.).] Нас бы поспрошали сперва, бумагомараки!

Сорвав плохое настроение на бумаге, Никита Матвеевич несколько успокоился и сладко зевнул. Можно было вздремнуть до приезда гостей, но в дом он не пошел. Набив трубку ароматным табаком, он закурил и блаженно прищурился. Как хорошо иногда почувствовать себя, хотя бы на короткий срок, ничем и никому не обязанным. А просто сидеть бездумно, глядеть на небо, на облака, что гигантскими башнями встают на горизонте, прислушиваться к слабым звукам и шорохам засыпающей природы.

Облака тем временем потемнели, растеклись по небу серой пеленой. Тензелюкский голец скрылся в густой туманной завесе. Вдруг из туч хлестанула молния, и Никита Матвеевич перекрестился. Грозы еще не хватало! Но одновременно с первым ударом грома ворвался в станицу залихватый перезвон колокольцев.

Шаньшин радостно вскинулся, но тут на пороге показались жена и его младшие – близнецы Сашка и Шурка.

– Кажется, Гаврюша? – Елена Сергеевна радостно посмотрела на мужа. – Припозднились, но все ж к ночи добрались!

Никита Матвеевич посмотрел из-под руки на гору. Тройка и несколько верховых уже миновали самый крутой участок. Еще пара минут – и они здесь! Близнецы, уже не дожидаясь команды, кинулись к воротам и распахнули их во всю ширь, а Степан, прижимая шапку к широкой груди, встречал тройку с улицы.

Шаньшин прикрикнул на жену, чтобы не глазела понапрасну, а мчалась бы в дом и проверила, все ли готово к приему гостей, и сам проворно сбежал по ступенькам вниз. Бренча колокольцами, во двор въезжала тройка добрых гнедых лошадей.

– Здорово, станичники! – приветствовал Никита Матвеевич казаков, спешившихся у коновязи за воротами. А глаза уже искали сына. Гаврюха вошел во двор вслед за коляской, ведя в поводу своего коня. – Как добрались? – спросил атаман и, не дожидаясь ответа, тут же задал второй вопрос: – А гостей, что ж, встретил али нет?

Гаврила сбил папаху на затылок и засмеялся:

– Сморило гостей с непривычки! Всю дорогу бодрились, а верст за пять до станицы, чую, засвистели носами. Решил не будить.

Но, заслышав громкий разговор, приехавшие выглянули из коляски. Иван первым выпрыгнул из экипажа. Прихрамывая, видно, отлежал ногу, и радостно улыбаясь, он направился к Никите Матвеевичу. А тот широко раскинул руки ему навстречу.

– Иван Лександрыч, дорогой! Рад тебя видеть! – Он по-медвежьи облапил гостя, приподнял его над землей и даже слегка встряхнул, отчего лицо Ивана покраснело и приобрело растерянное выражение. Атаман вернул его на землю и отступил, окинув гостя умильным взглядом.

Иван встряхнулся, поправил тужурку и пожал руку атаману. Глаза Вавилова радостно сияли.

– Вот и свиделись наконец! По правде, я уж и не думал, что в этом году получится. Служба такая, сам понимаешь...

– Што ж не понимать, коли сами служивые, – басил добродушно атаман и продолжал внимательно разглядывать Ивана. – Смотри-ка, исхудал совсем. Видать, не хлеб с медом служба, а? Вона и седина пробивается... – Он хлопнул Вавилова по спине. – Да што это я? Такой же молодец, Иван Лександрыч! Орел! Богатырь!

«Богатырь» ухмыльнулся и смущенно посмотрел на Алексея, а Шаньшину полушутя, полусерьезно сказал:

– Плюнь, Никита Матвеич, сглазишь!

– Дело говоришь, Иван Лександрыч, как бы не сглазить, – усмехнулся атаман и сплюнул три раза. Обхватив Ивана за плечи, слегка потряс его. – Ничего, нас никакая хитина[18 - Хитина – беда (казацье).] не возьмет. Мы ведь, Ваня, из одного булата кованы, на одном оселке правлены.

– Это точно! – расплылся в довольной улыбке Вавилов и повернулся к Алексею, который продолжал стоять рядом с экипажем: – А это, Никита Матвеич, друг мой лучший – Алексей Дмитрич Поляков. Сговорил я его с собой, а то он от городской пыли совсем зачах!

– Хорошее дело! – Атаман крепко пожал руку Алексею. – Добро пожаловать на казачью землю. – И, заглянув ему в глаза, весело прищурился: – И как только женка такова молодца в наши края отпустила? У нас девки справные да хваткие, живо уговорят!

Алексей покраснел, а Иван ответил вместо него:

– Не женат он еще, Никита Матвеич! Все на службу ссылается, что некогда! А по мне еще не нагулялся вдосталь!

– Ничего, парень – не девка, его товар долго не портится! – И Шаньшин уже по-свойски хлопнул Алексея по плечу. – А хошь, мы здесь тебе кралю найдем? Черноброву, краснощеку, а певунью, заслушаешься! У нас девки, что с шашкой, что с хватом одинаково ладно управляются!

– Не пугай его, батя, – рассмеялся Гаврюха, – а то и вправду подумает, что оженить решил. – И подмигнул Алексею: – Не тушуйтесь, Лексей Дмитрич! Девки наши бедовые, но к городской жизни не приучены. Им простору треба!

– Да уж кому, как не тебе, басурману, знать, что им треба! – усмехнулся отец и показал сыну внушительный кулак. – Сказал, осенью оженю, значитца, оженю! А то избаловался совсем.

Гаврила насупился и кивнул на младшего брата, державшего в поводу его коня.

– Ты вон Сашку жени! Вот шустряк так шустряк! – Он сделал вид, что замахнулся на паренька нагайкой, и тот сиганул в сторону, как испуганный заяц. – Давеча кто девок на кладбище щупал? Сам им страхи разные про мертвяков в уши дует, а между делом...

– Врешь, Гаврюха! – взвился паренек, побагровев от негодования. – Наговариваешь перед батей! Сам-то что, не тискал раззе Варьку Колобову на

базу, а она все кудахтала, как наседка?

Теперь настала очередь запунцовать Гавриле. Глаза его яростно блеснули, и плохо бы пришлось Сашке, если бы отец не развел братьев в разные стороны.

– Ишь сошлись, одна задириха, другая неспустиха! Неча при гостях свару затевать! – и дал легкий подзатыльник младшему. – Своих не закладывай! Язык завсегда за зубами держи! А то не посмотрю, что годами не вышел, загремишь по осени в Атаманскую сотню, чтобы балду не пинал!

– А я не боюсь! Я в кашевары запишусь! – Сашка нахально улыбнулся, подбил носком сапога сухой конский катышек и поймал его в руку. – Кашеваром быть дело выгодное, завсегда сытым будешь, и все казаки в друзьяки ломиться будут.

– Ишь ты, кашеваром, – ухмыльнулся в усы Шаньшин, – чую, сынку, мне к тебе тоже в друзьяки придется проситься. Авось лишнюю макитру каши наложишь!

– А что ж, и наложу! – лихо ответил Сашка. – Батяню как не уважить! – И тут же, ловко извернувшись, бросил конский катышек за шиворот стоящему рядом брату-близнецу и прихлопнул его по спине.

Тот кинулся на брата с кулаками. Сашка, заливаясь хохотом, бросился наутек. Близнецы скрылись за домом, а Шаньшин развел руками:

– Извиняйте, братцы! С моими огольцами не заскучаешь! – И протянул руку в сторону крыльца, на котором Степан успел расстелить яркий китайский ковер с драконами. – Добро пожаловать в дом откусать хлеба-соли! – И озорно подмигнул гостям: – Оголодали небось с дороги?

В небе опять гроыхнуло. Все, не сговариваясь, посмотрели в небо. Надо же, за разговорами про грозу забыли. Но тут первые, пока еще робкие капли дождя упали на землю, и гости, а за ними и хозяева поспешили в призывно распахнутые двери атаманского дома.

За окнами всю поливал дождь, но гроза ушла в горы, и где-то там изредка глухо грохотало, словно катилась по мостовой телега с пустыми бочками.

Станица тонула в ночной темноте и тишине, и лишь кое-где пробивались сквозь потоки дождя тусклые огоньки. И только из дома атамана вот уже который час слышны были шум, гам, разудалый хохот. На встречу гостей Шаньшин пригласил старых своих друзей и самых уважаемых станичников.

Уже выпили за здоровье государя императора, за доблестное русское оружие, за казачье воинство, за войскового атамана Колесникова, за здоровье и благополучие каждого из гостей. Теперь предстояло выпить за настоящее и будущее процветание Сибири.

– Дай-то бог, господа, – говорил, высоко поднимая бокал, старый казачий сотник, – чтоб не оскудела сибирская земля, поилица наша и кормилица. Богатства в ней немереные, только щепотью тронутые! Придет время, расцветет родина наша пуще прежнего, только без казаков и тогда не обойтись. Зарится на земелю нашу погань всякая, а кроме казака, некому ее защитить. Так выпьем же, станичники и гости дорогие, за то, чтоб не переводились кони в табунах да хлеб в закромах, чтобы бабы казачков славных поболее рожали. Нужны отчизне нашей добрые защитники, а казаки, знать, никогда не подводили и не подведут! – Он поднял бокал еще выше и гаркнул: – За веру! За царя! За Отечество! И за Сибирь-кормилицу! Ура!

– Ура-а! – радостно подхватили собравшиеся.

За столом, который ломился от всевозможных мясных и рыбных копченостей и солений, жареных поросят, уток, индюшек, селянок, разнообразных пирогов, доставленных из Китая фруктов и сладостей, а также вин, водок, наливок, становилось все веселее и непринужденнее. Никита Матвеевич, изрядно подвыпивший, был в самом благостном настроении. Ему очень хотелось не только угодить гостям, но и показать широту своей души, ну и власть, конечно, которая здесь, в станице, была у него безграничной. Не так часто у него бывали гости из губернского города, и он хотел сделать этот день памятным для них на всю жизнь. Поэтому велел пригласить песенников, которые дожидались своей очереди в летней кухне на дворе. Пока бегали за песенниками, Никита Матвеевич вновь велел разлить вино по бокалам.

– Господа! – сказал он, поднимаясь. Только раскрасневшееся лицо выдавало, что он изрядно выпил, а так ни дрожи в голосе, ни мутного взора, ни покачивания – атаман по всем статьям был атаманом и за столом держался орлом. И рука, в которой он сжимал бокал, не дрогнула, не расплескала ни капли. – За всех мы

пили сегодня, всем желали здоровья и счастья, а вот за полицию, в которой служат наши гости дорогие, не выпили! А ведь служба эта нисколько не легче казачьей, и каждый день идут они то на пулю, а то на нож, чтоб защитить нас от жулья всякого. И вас, и нас, – обратил он свой взор на Ивана и Алексея, – не шибко в народе привечают, но, случись беда какая, кого в первую очередь кличут? Поминают, конечно, господа да мамку свою, а кличут на помощь полицию да казаков! Так что Отечеству нашему без полиции и казачков в жисть не обойтись! Выпьем же за здоровье всех здесь собравшихся, а также за то, чтобы государь не только в нас нуждался, но и должным образом замечал заслуги наши перед родиной! Ура!

Сидевший рядом с Алексеем казачий сотник с длинными седыми усами, тот самый, который предлагал тост за процветание Сибири, уже изрядно подвыпил и огорченно жаловался городскому гостю:

– Нас, казаков, за людей не принимают. По весне генерал приезжал с Санкт-Петербургу с инспекторской проверкой границ, а с ним ученый, немчишка, рыжий да конопатый. Так все глаза на нас лупил: «Казаки? Нет, казаки не такие. Оне все сплошь татары, по-русски, значитца, ни бельмеса!» Это мы-то татары! Те, кто Казань брал? Те, кто на турка ходил, француза бил, Берлин да Париж покорила? И почти уже до Индии дошли, да с дороги нас вернули! А он, дескать, азиаты! После, правда, расчухал, что к чему, сам же хохотал. «Я, – говорит, – и вправду думал, что вы дикое племя, а ваших детей арканами ловят, чтобы в службу определить!»

Сидящие рядом казаки рассмеялись, а сотник огорченно махнул рукой:

– Что о немчишках говорить, если даже в столицах нас до сих пор дикой ордой кличут...

Он недоговорил, потому что в дом вошли песенники, brave и статные казаки. Гаврила поднялся со своего места. Оказывается, как пояснил Алексею все тот же сотник, он был лучшим «дишканщиком» в станице.

Никита Матвеевич поднес всем по чарке водки и велел начинать по обычаю со старинных, донских еще песен, которые певали прадеды – лихие ватажники Ермака Тимофеевича и Антона Пожарского. Песенники приняли доброго вина, расправили усы, музыканты ударили в бубны, грохнули в литавры. Запевала,

высокий красивый казак с роскошными пшеничными усами, приложил ладонь к правому уху, чтобы не мешали стоящие рядом певуны, и повел красивым баритоном с присвистом и притопыванием ногой:

Как в таверне, да заморской,

В чужедальной стороне,

То хрэнцуз гулял да немец,

Поляк жирный да казак.

Следом вступил высоко и звонко Гаврила:

Немец водку пьет, талеры на стол кладет,

Хрэнцуз водку пьет, песни громкие поет,

Жирный поляк водку пьет, разговоры все ведет,

Казак водку пьет, да ничего не кладет...

Атаман подтянул басом:

Ничего он не кладет, только водку пьет,

Кисетом гремит да кружкой стучит...

Кружкой стучит да шинкарочку манит...

И красиво, уже на три голоса полилась песня:

Ты, шинкарочка, поедем на тих Дон,

У нас на Дону не по-вашему,

Не ткут, не прядут, а на конях идут...

Тут пришел черед женщин. Особо выделялся высокий голос атаманши – Елены Сергеевны. И сразу стало понятно, в кого удался певун Гаврюха.

У нас на Дону не по-вашему,

Не ткут, не прядут, а на конях идут... —

гремел казачий хор. И Алексей почувствовал, как покрылось его тело мурашками от восторга и осознания той необыкновенной силы, которую являли собой эти люди, чистые и искренние, надежные в дружбе и в любви, не потерявшие душу в суете и злобе жизни и продолжавшие верить даже здесь, на краю империи, среди диких лесов и гор, в великую Россию и процветание Сибири.

Глава 7

Казачи расходились вовсю, когда Алексей вышел на крыльцо и закурил. Дождь прекратился. Ночной ветерок приятно охлаждал лицо, проникал под рубаху, отчего в голове прояснилось, и Алексей почувствовал себя почти трезвым, хотя выпито было, пускай и под хорошую закуску, немало. Он поднял голову и посмотрел на небо. Если затянуто тучами, значит, завтра быть дождю. Но ветер и в вышине поработал на славу. Крупные махровые звезды весело перемигивались на небосводе и, словно шаловливая ребятня, играли друг с другом в прятки, скрываясь за редкими обрывками облаков. Небо казалось низким, а звезды близкими. Этого в Североеланске никогда не наблюдалось, и Алексей наконец поверил, что теперь на целых две недели с лишком он – свободный человек.

За спиной скрипнула дверь. Из дома вновь вырвалась песня.

Дверь хлопнула, закрываясь, и на крыльце появился все тот же казачий сотник Макар Корнеевич Семивзоров. Старику, судя по всему, требовался собеседник. Он запалил свою трубку. Накинуло запахом крепкого тютюна. А в стенах дома продолжалось веселье, и его шум смахивал на рокот далекого прибоя, который звучал то громче, то тише, но совсем не нарушал молчаливого очарования окружавшей их сонной природы.

Старый казак несколько раз кашлянул, затем прочистил нос и, задрвав голову в небо, произнес:

– Ишь, как вызвездило! Батыев путь[19 - Батыев путь, то есть Млечный Путь (казачье).] словно золой оттерли. Блестит, что твоя шашка! – Он оглянулся на Алексея. – Славная завтра погодка намечается! У нас завсегда так: к вечеру дождь, зато денек – сплошная радость! Чем с утра заняться думаете?

– Не знаю пока, – улыбнулся Алексей. – Коренник у нас – Иван Александрович, а я – в пристяжных. Куда он, туда и я!

– Ежели на рыбалку отправитесь, то меня спросите, я вам такие ямки покажу, где хариус тучей стоит. – Старик пыхнул трубкой и мечтательно закатил глаза. – Знатная у нас рыбалка, Лексей Дмитрич, а охота и того знатнее. По осени приезжайте, мы вам кабанью охоту устроим, а по зиме на волков с флажками или на медведя на берлоге... Тут у нас приволье! Что козуля, что сокжой,[20 - Сокжой – дикий северный олень.] что марал... Сохатые, правда, за перевал еще зимой ушли из-за больших снегов. По весне вернулись, но что-то маловато. Пока только двух и видели. Быки, без коров и телят. Видно, не сладко им пришлось в чужой стороне.

– С охотой вряд ли получится, – вздохнул Алексей. – Не уверен, что нас в покое даже на две недели оставят. Обязательно случится что-нибудь такое, из-за чего нас раньше времени отзовут.

Сотник перекрестился:

– Дай бог, не достанут! Егеря пока до нас доберутся! Дней пять посуху им скакать! Правда, на пароходе быстрее, но дороже! Так что, если пакет от начальства придет, вы к тому времени сами домой соберетесь.

– Макар Корнеич, – Алексей подошел к сотнику почти вплотную и заглянул ему в лицо. – Вы случаем не слышали о человеке, который прошлой осенью старух-староверок посещал и просил их книги старинные показать?

– Ты что ж, покойницу Измарагду имеешь в виду? – Макар Корнеевич с любопытством посмотрел на него. – А тебе какой интерес? Урядник сказывал, что тот человек раньше за неделю уехал, прежде чем старухи погорели.

– А вам откуда известно, что урядник сказывал?

– Так то ж моего брата сродного Петра сын, племяш мой, значитца, Семен. Он и к нам в станицу приезжал по этому делу.

– Кто? Этот человек? Блондин в очках?

– Да нет! Семен! Блондин ваш до нас не дошел! Он пытался к пустынножителям проникнуть. – Сотник неопределенно махнул рукой в сторону тайги, начинавшейся сразу за новым домом атамана. – А там... – Старик закашлялся и принялся выбивать трубку о перила крыльца. Алексей терпеливо ждал продолжения рассказа, но его собеседник, похоже, напрочь об этом позабыл.

Однако Алексей не сдавался:

– Что, много скитов и староверческих деревень поблизости?

– Да есть, – ответил старик неохотно и вновь запыхтел трубкой. Потом, видно, переборол себя. Гость был атаманов, а Макар Корнеевич чтит казачьи законы и против кошевого идти не хотел, а равно обижать его гостя своим нежеланием отвечать на вопросы. Можно ведь по-всякому ответить, и себе не навредить, и гостя уважить. – Мы к им не лезем, разве приказ какой придет... Только оне допрежь приказа все узнают. И с мест своих снимаются... Обычаи у них строгие, свой устав с древних еще времен блюдут. После патриарха Никона, говорят, воцарился на земле Анчихрист. Торговать для них – грех, потому денег в руки не возьмут, тем более товар лавочный. Правда, есть и такие, которые допускают, что брашна,[21 - Брашна – пища (старообряд.).] даже если прошла через торжище, не оскверняется. Этим легче. Таковские семьи даже у нас в станице имеются. А есть уж совсем оголтелые. Те больше в лесах прячутся. Сахар и чай не потребляют, хлебное вино не пьют, правда, из ягод гонят его вовсю, да медовухи всякие, то им можно! Соль добывают через знакомых на соляном озере, муку и зерно в скитах выращивают и меняют на телят и коров. Сами пустынники мясо вовсе не пользуют. А вот рыбой не гнушаются, варенья еще разные на меду варят.

– А картофель едят?

– А тут статья особая. Они его мандрагоровым яблоком называют и считают, что оно произошло от нечестивого союза какой-то царской дочки с огромным псом,

слугой Сатаны. Только на капусте да репе далеко не уедешь, поэтому дали себе некоторое послабление. Говорят, если не клубнями картошку разводить, а семенами, тогда потреблять можно. – Сотник захихикал. – От ламп керосиновых тоже раньше шарахались, все больше лучиной да свечками восковыми избы освещали, а на днях смотрю, у старца нашего в окне лампа мигат...

– Я слышал, в тайге до сих пор скриптории есть, где книги старинные не только хранят, но и спасают, переплетают заново, а то и переписывают.

– А про то нам, мил-человек, неведомо! Это все их дела, – старый сотник кивнул в темноту, верно, в ту сторону станицы, где проживало несколько староверческих семей. – Они по своим законам живут, и мы не лезем, потому что сами из Расеи родом. Наши предки тоже двумя перстами крестились, когда в Сибирь пришли! Это после, когда цареву присягу приняли, по новому уставу жить стали. Только во многих казачьих семьях не только отцовы чекмени и шашки хранят, но и дедовы книги, что на харатье[22 - Харатье – пергамент, бумага, на которой писались старинные книги и документы.] еще писаны...

– А вы слышали о тех, кого «ратниками» называют? Это, что ж, толк какой-то раскольничий?

Макар Корнеевич поперхнулся дымом и несколько раз перекрестился.

– Господь с тобой, Лексей Дмитрич! Не накликай беду! – Он быстро огляделся по сторонам и шепотом спросил: – Откуда про них знашь?

– Про ратников? – переспросил тот.

– Тихо, тихо! – замахал руками Семивзоров. – У них уши отовсюду торчат.

Понизив голос, Алексей рассказал ему о «монашке» и об ее спасителях. Старик слушал, вплотную приблизив к нему свое лицо. Потом отодвинулся и покачал головой:

– Забудь про них, сынку, и не поминай даже! Страшная это сила! Не дай бог, если она ваши лица запомнила. Найдут ведь, из-под земли достанут. И смерть будет лютая, особливо если вы ей помешали важное дело исполнить.

– С чего вы взяли, что важное? – удивился Алексей.

– А потому, ежели сама Евпраксия... – Макар Корнеевич быстро прикрыл рот ладонью и перекрестился. – Господи, прости старого дурака! Разболтался без меры. Все вино это... – Он развернулся и почти бегом бросился в дом. Алексей пожал плечами и последовал за ним.

...Казачи разошлись только часам к двум ночи. Остались лишь атаман с женой да их старший – Гаврюха. Младших детей погнали спать сразу за полночь.

Работницы убрали со столов грязную посуду и остатки угощения. Елена Сергеевна велела застелить чистые скатерти, подавать чай, варенье, сладкие пироги и булки.

Никита Матвеевич сидел, развалясь, на лавке у стены и жаловался на хохлов, которые с утра испортили ему настроение.

– Да отдали бы вы им этот бугор, батя, – не выдержал и влез в разговор старших Гаврила. – Он ведь, верно, на отшибе. Кто поедет за семь верст киселя хлебать, а тем более пахать. Я сам в том краю всего раз был, когда кобылу, что от табуна отбилась, разыскивал.

Атаман против обыкновения не рассердился, не одернул сына, лишь снисходительно посмотрел на него и ответил:

– У меня принцип прежде всего! Казачьи привилегии треба отстоять. Я им предлагаю земли в аренду брать полетно – не желают. Дай им волю – сегодня один бугор в вечное пользование просят, а завтра, глядишь, хохлы на одну доску с казаками станут. Не могу я им того позволить, понимаешь, дурень, али нет?

– Тебе, батя, видней. Я не настаиваю, – сдался Гаврюха.

– А хоть бы и настаивал. Я, паря, всегда по-своему поступаю, знать уже должен. Давеча у меня с работниками, что в тайге лес валят, спор вышел из-за расценок на дрова. Тоже надбавки просят. Со всех сторон только и смотрят, что бы

урвать. А мне из какого интересу хлопотать? Десять плотов ноне должен отогнать в Североеланск пароходному товариществу Кретовых.

Шаньшин покосился одним глазом на гостей: произвел ли впечатление своей подрядной деятельностью? В последние годы Никита Матвеевич быстро шел в гору – построил паровую мельницу, открыл лавку, торговал вином (больше, правда, разведенным контрабандным спиртом – «шандыком»), брал подряды на поставку дров и перевозку грузов, ставил более десятка неводов на осетра и стерлядь, держал даже своего засольщика, умевшего и икру солить, и копчености приготовить. Подумывал он и о том, чтобы откупить по случаю в Тесинске, а даст бог, и в Североеланске подходящие участки, чтобы построить свои дома с магазинами внизу, со складами и хорошими ледниками и торговать свежей рыбой даже в летнее время. Широкие у него были планы... Прямо как в сказке: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!»

Гости едва справлялись с дремотой. Гаврюха, беззастенчиво привалившись к оконному косяку, сладко похрапывал. Ушла к себе в спальню Елена Сергеевна, а Никита Матвеевич, забыв обо всем, предавался воспоминаниям о былых временах, о том, как вольготно жили казаки еще лет сорок-пятьдесят назад.

– Тогда, почитай, в округе одни казачьи станицы стояли да стойбища инородцев. Переселенцы, по большей части староверы, с Алтая пробирались в наши края, оттуда их вынудили уйти. Все больше беспоповцы были. Власти они не признают, между собой тоже воют, в ереси обвиняют. И шут их поймет, по какому случаю они друг другу бороды рвут. Духоборцы, молокане, хлысты, шелопуты, скопцы, субботники... Скольких я на своем веку повидал, а так и не понял до конца, чего ж они так за старую веру держатся? Неужто так важно, сколько раз аллилуйю возглашать и сколькими перстами крест класть?

(Примечание: Раскольничья церковь делится на две ветви:

1. Беспоповщина включает в себя поморцев, спасовщину, непоповцев. Не уклоняются от православия, привязаны к старым книгам и обрядам – двуперстное сложение, восьмиконечный крест, тоекратное возглашение аллилуйя, писание и чтение церковных слов по-старинному, одноголосное пение. Из них образовалась церковь Единоверческая, или Благословенная.

2. Поповщина – ее приверженцы принимают рукоположение, священство и таинства, но требуют от попа отречения от обрядов господствующей церкви. Принимают беглых и преступных попов – отсюда беглопоповщина. Она включает в себя до пятидесяти мелких толков, которые крайне нетерпимы, проклинают и признают всякое гражданское и духовное начальство за орудие Антихриста. По их мнению, седьмой фиал (сосуд) апокалипсический пролился на землю, благодать взята на небо, царство Антихриста наступило.

Далее следуют уже не расколы, а ереси. Спор идет не об обрядах, а о догматах. Их три разряда: духовные, созерцательные и нехристиане. Духовные: духоборцы, иконоборцы, молокане; созерцательные: христовщина, хлысты, шелопуты, скопцы; нехристиане – субботники или жидаы.

Приводится по В.И. Далю. «Толковый словарь живого великорусского языка». Москва. Издательство «Русский язык». 1998 год.)

Атаман сделал несколько глотков из большой чайной чашки, зачерпнул ложкой меда – свежайшего, с таежных первоцветов, и тщательно ее облизал. Иван последовал его примеру, только обильно намазал медом большую булку с начинкой из толченой черемухи. Никита Матвеевич осуждающе покачал головой:

– Сразу видно, Иван Лександрыч, что человек ты городской. Булка весь вкус перебьет. Непременно надо мед ложкой есть – и вкусно это, и для здоровья полезно.

Иван послушно полез ложкой в вазочку с медом, а Никита Матвеевич перекинулся уже на другую тему, и Алексей не стал его возвращать к прежней, о старообрядцах, которая с каждым часом интересовала его все больше и больше. Но если он спугнет еще и атамана... Нет, стоит набраться терпения... Поспешай медленно! Кто же это сказал? Кажется, кто-то из великих? Или Тартищев? Вероятно, Федор Михайлович произнес эту фразу при очередном разносе. Мысли путались: усталый мозг отказывался служить, но Алексей старался не подать виду, что засыпает. Возможно, расслабившись, атаман и сам проговорится о том важном, о чем предпочли промолчать и дед Семен, и Гаврюха, и Макар Корнеевич Семивзоров, а еще раньше купец Чурбанов, его секретарь Усвятков и хранитель музея Голдовский.

Алексей хмыкнул про себя: по крайней мере, он знает теперь шесть человек, которым наверняка что-то известно об этих ратниках в черных балахонах с красной каймой. Ничего! Ему не привыкать ждать! Поспешай медленно...

Он сосредоточился, пытаясь вникнуть в рассказ атамана. Никита Матвеевич отвечал на вопрос Ивана, насколько трудно охранять границу.

– Ездют дозоры, но больше для блезиру. А вообще чего границу стеречь в наших краях? – с пьяной откровенностью раскрывал атаман секреты казачьей службы. – Не украдут. Корчемная стража[23 - Корчемная стража - таможня.] спиртоносов ловит, верно! Караваны задерживает. Бывает, что мои казачки отметятся, если табун ворованный через границу норовят перегнуть или меха без пошлины вывезти... Только попадают больше дураки или новички. Человек с умом любые делишки обделаает на границе шито-крыто...

– Лихие вы люди, казаки, – Иван пьяненько рассмеялся, но взгляд его был абсолютно трезв, в этом Алексей не мог ошибиться. Похоже, Иван тоже вступил в игру, но только в какую? Алексей надеялся, что узнает об этом, когда они отправятся спать на сеновал, вопреки просьбам хозяев обосноваться на ночь в избе. Но оба возжелали свежего воздуха...

Атаман уперся ладонями и легко поднял свое большое тело из-за стола. Окинул гостей веселым взглядом.

– Мы сегодня славно выпили и закусили. А сейчас спать пора! А то меня не переслушать. – И, склонив голову, повинился: – Простите уж меня, сивого мерина. Забыл, что вы рано поднялись. Но, право слово, редко так душевно удаётся посидеть...

Глава 8

Всю ночь он целовался. Догонял, хватал за руку, разворачивал к себе... И целовал, целовал эти яростно расширенные глаза, искривленный рот, хотя она пыталась вывернуться из его рук, отталкивала, шипела что-то гневно в лицо, а он все равно целовал эти горячие губы, а под руками ощущал сильное девичье

тело, упругое, гибкое, желанное... В очередной раз она вырывалась из его объятий, и в очередной раз он успевал ухватить ее за запястья, сначала за одно, потом за другое, прижать к себе и вновь склониться к ее губам. «На славу! На удачу! На любовь!» – шептал он лихорадочно и словно пил и не мог напиться из этого родника, единственного, который никому еще не утолил жажду до конца.

Улучив момент, она закрыла ему рот ладонью, и он ощутил холодную тяжесть кольца на своих губах. «Евпраксия!» – простонал он, пытаясь убрать эту ладонь, которая, казалось, взяла в тиски его лицо, отчего оно стало непослушным, точно задеревенело, и губы шевелились едва, и глаза будто подернуло пеленой. «Евпраксия! – едва слышно прошептал он, чувствуя, что какая-то страшная сила неумолимо влечет его вниз, в темноту, в бездонную яму. И он знал, что не будет ему оттуда возврата, если она не задержит его, не остановит это жуткое падение... – Евпраксия!» – закричал он отчаянно, потому что ладонь она отпустила, и его подхватил страшный вихрь, закрутил, понес, как осенний лист, как сухой кустик бурьяна... Опять его сильно встряхнуло. Он вскрикнул от ужаса и... очнулся. Иван изо всех сил тряс его за плечи и сердито приговаривал шепотом:

– Просыпайся! Просыпайся!

Алексей с ошалевшим видом уставился на приятеля, не понимая еще до конца, где он и что с ним происходит. Ведь он до сих пор чувствовал и тяжесть девичьей груди в своей ладони, и теплоту ее губ...

– Где она? – едва удержался он, чтобы не спросить об этом Ивана.

Но Вавилов повторил уже более требовательно:

– Просыпайся! – и кивнул в сторону серого проема – выхода с сеновала. – Что-то там происходит, но пока не разберу, что?

Они осторожно подползли к выходу и улеглись, один слева, другой – справа от него на сено. Внизу, во дворе дома атамана, стояли оседланные кони. Пять или шесть. Кажется, их было больше, но остальные скрывались в тени ворот, и лишь по звяканью сбруи и фырканию можно было определить, что к атаману пожаловало не менее дюжины поздних гостей.

Эти гости были, судя по папахам, казаки. Разговаривали они едва слышно, но все ж Алексей разобрал среди других женский голос, несомненно, Елены Сергеевны, а через мгновение разглядел и ее, и самого атамана. Ладную и подвижную фигуру Шаньшина трудно было с кем-либо спутать. Да и бас его, как ни старался Никита Матвеевич, в рамках шепота тоже нелегко удержать.

До рассвета оставалось еще с час, не меньше. Небо едва-едва посерело. Над землей стелился туман, и поэтому людские фигуры больше походили на тени, а фонари, которые были в руках некоторых из них, светили слабо, видно, фитили вкрутили почти до отказа. Алексей и Иван молча наблюдали за странной суетой. Люди, казалось, бестолково перемещались по двору. Потом скрипнули ворота. Четверо казаков, держа за края кусок большой парусины, что-то быстро пронесли через двор. Жалобно, чуть ли не в голос, ахнула Елена Сергеевна. И атаман грозно шикнул на нее. Затем с крыльца сбежал еще один казак, похоже, что Гаврюха. В руках у него была широкая сумка, которую он накинул на плечо. Опять что-то быстро и взволнованно проговорила Елена Сергеевна. И тут заплакал ребенок. Алексей с недоумением поднял голову и посмотрел на Ивана. Может, ему почудилось, тем более плач сразу же смолк, как оборвался.

Вавилов показал ему кулак и жестом приказал пригнуть голову. Алексей подчинился и вновь выглянул наружу. Казаки несли свой груз, растянув парусину, как флаг, по тропинке, которая вела через огород к бане, и ступали прямо по грядкам. Посреди светлого пятна виднелось что-то темное, но как Алексей ни силился, так и не смог разглядеть, что это было. Широкие спины казаков, туман, не отступившая ночная темнота мешали обзору.

Вслед за казаками к бане прошли Елена Сергеевна и Гаврюха. Остальные люди, в том числе и атаман, остались во дворе и стали переговариваться быстрым, взволнованным шепотом. Казаки подошли к лошадям. Те зафыркали, забили копытами. Никита Матвеевич что-то отрывисто произнес, видно, приказал. Казаки вскочили на коней, и уже через пару секунд Степан запирал за ними ворота.

Атаман подошел было к крыльцу, поднял ногу на первую ступеньку, но потом вдруг развернулся и направился к сеновалу. Поднялся на несколько перекладин приставной лестницы и прислушался. Затем взобрался еще выше и заглянул внутрь. Гости сладко похрапывали на роскошных перинах, которые еще с вечера уложили для них поверх сена.

Никита Матвеевич довольно улыбнулся и спустился по лестнице. Кажется, все устроилось наилучшим образом. Он поднялся на крыльцо, огляделся по сторонам. Затем, прислушавшись, посмотрел в сторону баньки, где едва теплится огонек керосиновой лампы, что-то пробормотал сердито и вошел в дом.

– Что случилось? – Алексей откинул пуховое одеяло и сел. – Что ты всполошился? По-моему, обычное дело! Видно, что-то привезли, возможно, контрабанду? Ты что, не слышал, как атаман хвастался? Им за границу сгонять, что в собственный курятник заглянуть.

– Нет, тут что-то другое! – Иван досадливо поморщился. – Черт! Не выспался совсем. То ты под боком ногами бьешь и вопишь как резаный, то казачки по двору шмыгают с фонарями. Что ни говори, но это они от нас таились, иначе зачем Никите проверять, спим мы или нет?

– Может, он просто беспокоился, не разбудили ли нас?

– А зачем тогда пса спустили? Он как раз под нами на цепи бегаёт. Попробуй только с лестницы сойти. Я от того и проснулся, что Степан его из сарая выпускал. А ведь сам Никита с вечера приказал его запереть, чтобы мы с тобой, если приспичит по нужде, могли спокойно через двор пробежаться. Понял мою мысль?

– Понял, – пожал Алексей плечами, – но что они хотели от нас скрыть?

– Я не слышал, когда казаки приехали. Правда, сквозь сон почудилось, что кто-то барабанит в ворота. Ну, я одеяло на голову натянул, затем слышу – цепь брякает и Степан на пса матерится. Он на него то ли прыгать стал от радости, то ли облизал. Потом голос Никиты услышал. И показалось мне, что он не столько рассержен поздним визитом, сколько напуган. Ты же сам видел, суетились они, будь здоров. Так всегда бывает при растерянности или при сильном испуге.

– Я это понял, – Алексей зябко поежился. Исподняя рубаха не спасала от утренней промозглой сырости, и он, закутавшись в одеяло, как в кокон, спросил:

– Ты слышал плач?

– Слышал. – Иван достал папиросу, покрутил в руках, но закуривать не стал. Они оба клятвенно пообещали атаману, что не будут баловаться огнем на сеновале.

- Мне показалось, что плакал ребенок.

- Правильно показалось, - усмехнулся Иван, - но не грудной и не младенец. Лет десяти-двенадцати или чуть меньше.

- Откуда ты знаешь? - поразился Алексей.

- Так их же пятеро у меня! - в свою очередь, удивился Иван недогадливости приятеля. - Я этого рева столько наслушался!

- Но я не заметил ребенка. Десять лет, уже большенький. Можно среди взрослых разглядеть.

- Так ты, что ж, ничего не понял? - Иван подсел к нему почти вплотную и, оглядываясь на выход, прошептал: - С моего места виднее было, чем с твоего. На парусине они что-то пронесли в баню. Небольшое. Я поначалу думал, овца, что ли. А потом как озарило! Ребенка они туда пронесли. То ли раненого, то ли больного. Слышал, как атаманша вскрикнула, словно испугалась чего-то. А она в этот момент то, что лежало на парусине, рассматривала. Потом, видел, с какой сумкой Гавря с крыльца сбежал? С нею военные фершалы ходят. А в руках что-то белое держал, не иначе материю на бинты.

- Но если ребенок больной или раненый, как ты сказал, зачем же тогда им от нас таиться? - вполне резонно удивился Алексей. - Что здесь такого?

- Да я тож про то думаю. Может, примерещилось нам с пьяных глаз всякой чертовщины, а поутру все разъяснится, и сами же смеяться будем над своими дурацкими подозрениями.

- Но все же не следует лезть первыми с вопросами. Давай посмотрим, что они нам объяснят. Не промолчат же они, в самом деле?

- Попробуем, - согласился Иван. - Может, и правда, овчинка выделки не стоит, а нам от безделья всякая блажь в голову лезет. - Он потянулся. - Жаль, я оставил в доме подзорную трубу. С ней бы все разглядели.

- Ты взял с собой подзорную трубу? - изумился Алексей. - Зачем?

– А на всякий случай, – махнул рукой Иван и подмигнул приятелю: – Какие мы тогда путешественники без подзорной трубы.

– Это ты здорово придумал, – обрадовался Алексей. – В тайге нам без нее не обойтись. Вдруг где скит обнаружим, близко к нему не подойдешь...

– Постой, какой еще скит? – уставился на него Иван. – Мы приехали тайменя ловить, а не раскольников по тайге. Оставь эту затею за-ради Христа!

– Подожди, не кипятись, – с досадой отмахнулся от него Алексей. – Я перед сном не стал тебе рассказывать, что от сотника узнал. Спать сильно хотелось, но теперь, похоже, уже не заснем, так что слушай. Кажется, об этих ратниках в балахонах или, как ты говоришь, в бахотне, здесь не понаслышке знают. Я старику про эту девицу рассказал, так он не меньше Гаврилы перепугался. Запретил мне даже упоминать о них. Дескать, повсюду у них уши. И самое главное... – Алексей выждал мгновение и с торжеством в голосе произнес: – Главное, что старик проговорился. Назвал ее имя. Евпраксия. И тут же сорвался с места и бегом в избу.

– Теперь я кое-что понимаю, – покачал головой Иван. – Ты это имя во сне несколько раз повторил, только я ничего не понял. По правде сказать, первый раз слышу, чтобы женщину так называли.

– Так у них не только вера старинная, но и имена. Тебя разве имя Измарагда не удивило?

– Меня все удивило, – проворчал Иван, – и прежде всего то, что мы, того не желая, все ж ищем на свою шею приключений. Ну скажи, на кой ляд нам вздумалось пялиться на этих индусов? Прошли бы мимо, на филеров не наткнулись бы, девку эту бесноватую не встретили бы... Нет, словно леший попутал! Так еще и здесь, оказывается, покоя нет. Что ж, получается, эти ратники где-то поблизости околачиваются? И чем же, спрашивается, они таким занимаются, что у местных сразу в штанах мокро, если спросишь о них?

– Ратники, рать, – задумчиво произнес Алексей. – Воины, воинство... Может, скиты защищают?

– Плохонько защищают, если позволяют им гореть. Видно, не успевают их обитатели вовремя от солдат скрыться, вот и жгут себя, чтобы в руки слуг Антихриста не попасть.

– Все это понятно, – отозвался Алексей, – но, если бы они просто предупреждали своих об опасности, разве кто-то бы их так боялся? Сдается мне, что делами они занимаются такими, о которых местное население хорошо слышано. Страшные это дела, но, с другой стороны, разве их утаишь? Мы бы все равно разнюхали, если б они кого убивали.

– Про их дела, что самое удивительное, быстрее всех Ольховский прознал. – Иван уселся на перину, подогнув ноги по-турецки, и тоже накинул на себя одеяло. – Значит, занятия у них не уголовные, а скорее политические. Хотя одно другого не исключает. Может, какие-то ритуальные убийства? Может, жертвы человеческие идолам или духам своим приносят? Тогда нам точно их не отдадут. Это уже задача для Ольховского и Лямпе. – Он с силой хлопнул ладонью по колену. – Только я все равно бы узнал, ну, пускай не я, но Федор Михайлович точно, случись где подобное убийство! А так все шито-крыто, топором брито!

– Давай, Иван, не будем гадать. – Алексей сладко зевнул и потянулся. – Утром постараемся как-нибудь узнать, кого нелегкая ночью к атаману занесла. И были ли ребенок на самом деле, или нам померещилось.

Вавилов ничего не ответил, лишь встал на колени и подполз к выходу с сеновала. Пару минут наблюдал за баней, потом поманил к себе Алексея. Тот последовал его примеру и устроился рядом.

– Что там? – спросил он шепотом.

– Смотри! – Иван кивнул в сторону бани. – Елена Сергеевна и Гаврюха до сих пор не вышли. И даже печь затопили.

И вправду, более темный, чем туман, дым хорошо выделялся на фоне белесой пелены. В маленьком окошке тускло светился огонек. Что же такое случилось и кого принесли в баню, если мать с сыном уже более часа не выходят оттуда? Но такое вполне возможно, если там находится больной или раненый человек...

– Гляди, Гаврюха! – восторженно вскрикнул Алексей.

На пороге действительно появился Гаврила. В руках он держал деревянный ушат. Отойдя от бани на пару шагов, он вылил из него воду. Иван возбужденно перевел дыхание и схватил Алексея за руку.

- Видел?

- Видел, - кивнул тот в ответ.

Занимающийся рассвет позволил им различить кое-какие детали. И главное. Вода в ушате была красной. Значит, и вправду в бане раненый? Но кто же он? Почему были предприняты такие предосторожности? И почему плакал ребенок? Неужто он и есть тот раненый, которому оказывают помощь Елена Сергеевна и Гаврюха? Судя по размерам парусины, на ней мог уместиться только ребенок. Но кто его ранил и почему лечить его надо тайно?

А то, что помощь оказывают таясь, не вызывало никаких сомнений. В станице имелся свой фельдшер, но его не пригласили. Выходит, станичный атаман не доверяет местному лекарю лечение раненого ребенка. Так что ж это за ребенок такой особенный?

Все эти мысли, догадки и соображения пронеслись в головах того и другого агента, но оба понимали, что их домыслы не имеют под собой ровно никакого основания, пока они собственными глазами не убедятся, есть ли ребенок и ранен ли он на самом деле.

Они отползли на перины и легли. Пес продолжал бегать внизу, громко лязгая и брэнча цепью. Прямо под ними шумно вздыхали коровы, где-то пропел петух, и вслед за ним его голосистые собратья возвестили зорю всему свету. Начинался новый день, но агентам опять нестерпимо захотелось спать. Иван широко зевнул, но, прежде чем ухнуть головой в подушку, поинтересовался:

- Что ты во сне орал: «Евпраксия! Евпраксия!» Душила она тебя, что ли?

- Да нет, - засмеялся Алексей. - Как раз наоборот! Мы с ней целовались.

- Поцелуи к разлуке! - через силу произнес Иван и мгновение спустя уже громко сопел носом.

Алексей сомкнул веки, и тут же всадники в черных балахонах с красной каймой окружили его, и завертелась страшная карусель, из которой он, как ни пытался, не мог вырваться. Он тянул из-за пояса револьвер, но руки словно кто налил чугуном. Он не мог даже пошевелить ими, а когда все же с трудом поднес правую ладонь к лицу, увидел, что ее заливают кровью. Она бежала по его запястью, теплой струйкой скатывалась в рукав...

Ужас, казалось, проник в каждую клеточку его тела. Он закричал и тут вновь увидел Евпраксию. Теперь она была в длинной белой рубашке, черные волосы растеклись по плечам и почти закрывали лицо. В руках она держала внаклон деревянную чашу, из которой лилась отливающая красным вода. Алексей стоял как вкопанный, а она подошла к нему и вдруг выхватила из складок рубахи длинный и узкий нож и взмахнула им. Казалось, она метила прямо в его сердце.

Алексей хотел закричать, но спазмы сдавили горло. Он хрипел, кашлял, но звук не шел, он задыхался. К тому же ноги словно примерзли к земле, он силился их оторвать, но все напрасно. Нож ударил его в грудь, широким потоком хлынула почему-то не кровь, а ярко-зеленая, словно молодая трава, жидкость. Ему стало легче дышать. Он открыл глаза и улыбнулся. У него на груди сидел пушистый котенок и ловил передними лапками соломинку, которой его дразнил один из близнецов. То ли Шурка, то ли Сашка. Алексей еще не научился их различать. Он так и не спросил, почему их зовут одинаково...

Увидев, что гость проснулся, парнишка подхватил котенка на руки и весело заявил:

- Ну и спать вы горазды, дядька Лексей! Вставайте ужю. Дядька Иван небось вторую дюжину блинов со сметаной уплетают! Мамка послала вам воды полить, чтоб умылись со сна, да поспешайте к столу, а то, если Гаврюха вернется, точно вам блинов не видать.

- А что, Гаврюха уехал куда-то?

- Да нет, мамка его к фершалу послала за бинтами, - простодушно ответил мальчишка. - Свои, видать, вышли.

– А зачем ей бинты понадобились? – Алексей не упустил возможности узнать подробности.

– Да, говорит, руку сегодня с утра обварила. Намазала барсучьим салом, а оно воняет, приходится повязки часто менять, – охотно пояснил ему то ли Сашка, то ли Шурка. И опять позвал: – Поспешайте, дядька Лексей, а то мне от мамки попадет, если к холодным блинам вас приведу.

Алексей вслед за близнецом спустился с сеновала, внимательно оглядел двор. Никаких следов пребывания поздних гостей. Ни отпечатков копыт, ни даже неперемненных конских катышков. Судя по не затоптанным еще следам метлы, двор утром тщательно подмели.

– А что батя твой, уже ускакал? – поинтересовался он на всякий случай у паренька.

– Ускакал, – махнул тот рукой. – За ним сотник прислал. Вроде как от грозы в Петровском логу тайга занялась. Поехали поглядеть. Если дождя не будет, – посмотрел он в безоблачное небо, – то и до нас дойдет. В прошлом годе обошлось, слава богу, но дыму было, солнца не видать. А в станице все на мордах мокрые тряпки носили, иначе не продохнешь.

Глава 9

– Слушай, что бы такое придумать, чтоб по огороду прогуляться, а? – Иван огляделся по сторонам. – Банька мне эта покоя не дает. Кого ж они там спрятали, если не хотят нам показать? Может, беглого какого? Но не думаю, что Никита своим положением станет рисковать из-за какого-то варнака. Мы хоть и друзья, но он знает: дружба дружбой, а служба службой. И здесь от меня поблажки не жди.

– Тем более непонятно, если это ребенок. Его-то зачем прятать? И почему в бане? – Алексей склонился к баулу с вещами и вытащил жестяную коробку с рыбачьими принадлежностями. Сегодня они готовились к своему первому походу на реку. Однако ночные события не позволяли сосредоточиться на столь

приятном деле, поэтому только им удалось остаться одним, как тема для разговора определилась сама собой.

Все их попытки разузнать что-нибудь у Елены Сергеевны закончились полным провалом. На левой руке жены атамана белела повязка, и она, мило улыбаясь, объяснила, что нечаянно плеснула на ладонь кипятком. Гаврюха же, стоило Ивану самым невинным образом справиться у него по поводу то ли плача, то ли стона, который он якобы слышал сквозь сон, покраснел как рак, отвел глаза и промямлил, что в конюшне сегодня ночью ожеребилась кобыла. Роды были тяжелые, и стонала она, как человек.

Правда, жеребенок, которого им показали, уже вовсю бегал по загону. И его непомерная резвость и веселый нрав только подтвердили подозрения сыщиков, что это совсем не то создание, с которым надо было возиться долгое время в баньке, чтобы вернуть его к жизни. Она била в нем ключом никак не меньше месяца.

– Зря я у Гаврилы про плач узнавал, – огорченно сказал Иван, – теперь они насторожатся, а вдруг мы что-нибудь пронюхали? – Он посмотрел на Алексея: – А может, в лоб Никиту спросить?

– Давай не будем пока. – Алексей замолчал и выразительно посмотрел на приятеля.

Легкий на помине Никита Матвеевич возник на пороге летней кухни, где гости разбирали свои вещи.

– Здоров ночевали? – весело приветствовал их атаман и поочередно пожал каждому руки. – Как спалось на новом месте? – И подмигнул Алексею: – Девки снились?

– Снились, как им не сниться на свежем воздухе, – ответил вместо приятеля Иван. – Всю ночь брыкался, что тот жеребенок, которого сегодня ночью кобыла родила.

– Кобыла? – уставился на него атаман. – Какая кобыла? Розка, что ли? Так она почитай... – Он смолк и обвел гостей взглядом: – Это что ж, Гаврюха вам сказал?

– Гаврюха, – совершенно безмятежно подтвердил Иван, – говорит, сильно мучилась, стонала, плакала, как человек. Да и то, роди такого богатыря, невольно слезами изойдешь.

– Богатыря? – переспросил атаман.

– А кого ж еще? – Иван поднял на атамана по-детски кроткий взгляд. – Мы у загона побывали. Полюбовались на жеребенка. Крепкий чертенок, не скажешь, что этой ночью родился! – произнес он с восхищением, источая при этом чисто ангельское благодушие.

И Шаньшин пусть внешне, но, кажется, успокоился.

– Ну да, – сказал он и окинул взглядом кучу вещей, вываленную гостями на пол. Никита Матвеевич не знал, что они успевали не только вытаскивать вещи из баула и сортировать их на те, что были первой необходимости, и те, что потребуются, когда им придется отправиться в глубь тайги на знаменитые Пожарские озера. Вдобавок ко всему они выстраивали версии, о которых ему пока не следовало знать. – Сейчас близнецов пришлю. Неча баклуши бить, пусть вам помогают. Определю для вас лошадей, чтобы груз на себе не таскать, а мои огольцы вам все, что хотите, покажут и расскажут. Они у меня рыбачки знатные! – с явной гордостью за своих младшеньких произнес атаман. – Бывает, по ведру хариуса за полдня натаскают. И тут же раздерутся. Спорят, у кого больше рыбы-то! Мать их поперек лба рушником отходит, только тогда и успокоятся. А мне так и хлыст приходилось в руки брать. Озоруют, страсть! Может, рядом с вами притихнут на время, да и при деле будут. Вы как на это смотрите? – Он глянул вопросительно сначала на Ивана, потом на Алексея. – Ребятишки они не зловредные и в воровстве не замечены.

– Да что ты нас, Никита, уговариваешь? Мы и сами хотели просить дать нам кого-нибудь в проводники, чтобы лишний раз тебя не отвлекать. А ребятишки нам подходят лучше некуда. Болтаться без дела мы им не дадим, и на озорство у них времени не останется. – Иван улыбнулся. – Позволишь, мы их с собой на озера заберем.

Атаман с явным облегчением улыбнулся и пожал им руки.

– Ну и лады! Славно дело получилось. И вам угодил, и баламутов своих пристроил. Все меньше матери беспокойства! – Он посмотрел на небо и крикнул:
– Плохо дело! Погода совсем разгулялась, а надо дождя! Вот так надо! – Он чиркнул себя ребром ладони по горлу. – В Петровском логу полыхает вовсю. Пожар идет верховой, его ничем не остановишь, одна надежда на дождь.

– Есть опасность, что он дойдет до станицы? – спросил Алексей.

Атаман перекрестился.

– Не дай бог! При хорошем ветре за день домчит, на тройке не обгонишь. Сейчас там мои станичники лес валят да лог опахивают, чтобы не дать огню в тайгу вырваться. Тогда нам вовсе с ним не справиться. – Он опять перекрестился. – Все под богом ходим. Видно, чем-то мы его разгневали, но будем надеяться на его милосердие. – Он склонил свою большую голову. – Ну, до вечера! Пожар пожаром, заботы заботами, но джигитовку всенепременно вам покажем. Это уж святое дело!

Никита Матвеевич снова пожал им руки и вышел из кухни. Иван проводил его взглядом.

– Нет, теперь меня и вовсе забирает! Они ведь даже не успели договориться, и каждый врет по-своему, но к вечеру все обсудят. Тогда уж нам вовек ничего не узнать.

– Слушай, а может, не стоит всю эту канитель затевать? Как-то некрасиво получается: нас они привечают, из кожи вон лезут, чтобы угодить, а мы вдруг возьмем да свинью им подложим. Давай не будем спешить, а вдруг все само собой разрешится?

Иван окинул Алексея насмешливым взглядом.

– А кто говорит про свинью? Просто мне хочется проверить, сумеют ли они нас обдурить?

– Ну, давай проверим, – с сомнением в голосе произнес Алексей. Он слишком хорошо знал Ивана Вавилова, чтобы поверить подобным заверениям.

Но на этом их диалог и закончился, потому что на пороге появились близнецы и сразу же подняли шум и гам, обнаружив и не поделив подзорную трубу Ивана.

– Сашка, уймись, паря! Вымахал выше меня, а ума, как у воробья! – строго сказал Вавилов и отнял трубу у того из близнецов, что был пошире в плечах и покрепче в спине. – Если разобьете инструмент, в тайгу ни того, ни другого с собой не возьмем!

– В тайгу? – Близнецы вмиг забыли о распрях. – А не брешешь?

Алексей расхохотался. Лицо Ивана вытянулось от такого панибратства, но что поделаешь? Два лохматых и черноглазых, успевших изрядно загореть и подхватить цыпки на руках дитя природы смотрели на него с таким восторгом и обожанием, что Ивану оставалось только почесать в затылке и сделать вид, будто ничего не произошло. Впрочем, вскоре это у него вошло в привычку.

– Я с вашим батей договорился, возьмем вас на Пожарские озера. Но при условии, что браниться и таскать друг друга за вихры не будете и пообещаете слушаться меня и Алексея Дмитрича беспрекословно.

– Обещаем! Вот те крест! – с готовностью перекрестились близнецы.

Теперь Алексей разобрался, что Сашка – более крепок и солиден для своих тринадцати лет, а Шурка – тонок в кости, подвижен и часто страдает от кулаков брата. А во всем остальном они были на одно лицо. Смуглые и чернявые, как галчата, с лохматыми, некогда стриженными в скобку головами, они и одеты были одинаково: в старые шаровары и сатиновые рубахи, обуты в мягкие сапожки по ноге, а за поясом у каждого, как у заправского казака, нагайка.

– Вы нас в проводники нанимаете, значитца? – спросил деловито Сашка. – Сколько платить будете?

– Ну, ты и гусь, малый! – хмыкнул Иван. – Выходит, за удовольствие попасть на озера я вам еще и платить должен?

– Я чтоб по справедливости, – насупился паренек. – Я за конями буду ходить, Шурка кашу варить, вы рыбу ловить. А после ее и солить треба!

Иван покачал головой и переглянулся с Алексеем.

– Что ж, по справедливости, так по справедливости. Работать будете за харчи, а если все удачно сложится, заплатим еще рубль на двоих. Идет?

– Идет, – кивнул головой Сашка и тут же поторопился застолбить свое верховенство. – Только мне семьдесят копеек, а Шурке – тридцать!

– Как это тридцать? – взвился тот на дыбы и ухватил брата за грудки. – Чего ради тебе семьдесят?

– А потому что кашу варить – не за конями ходить. – Сашка оторвал его руки от себя и кивнул на гостей: – Я их рыбалить тайменя научу.

– А я, что ж, не научу? – Шурка сердито сверкнул глазами. – Хариуса я завсегда больше ловлю. А ты острогу в прошлом годе упустил на перекате...

– Ты-ы! – Сашка набычился и занес кулак над братом.

Тот отпрыгнул к стене и дернул из-за пояса нагайку.

– Ну-ну, петухи! – Иван ухватил близнецов за шиворот и растащил в разные стороны. – Хватит клеваться, помогите вещи разобрать.

Действительно, лучшим способом отвлечь братьев от потасовки оказалось занять их работой. Все вещи были разобраны, разложены и упакованы по-новому в течение получаса. Близнецы работали споро, не пререкаясь, и, покончив с заданием, смиренно попросили дядьку Ивана показать им подзорную трубу в действии.

– Ну что с вами поделаешь, – притворно тяжело вздохнул Иван и, подхватив чехол с трубой, вышел вместе с близнецами во двор. Там они взобрались на крышу сеновала и принялись обозревать окрестности. Алексей тем временем осмотрел карабины, проверил боеприпасы, почистил и смазал свой «смит-вессон». Иван не появлялся, а восторженные крики близнецов стали звучать несколько тише.

Алексей выглянул из окна. На сеновале никого не было, а вся троица переместилась уже на крышу бани и усердно занималась тем, что разглядывала двугорбую вершину гольца Абаз. Он весело хмыкнул. Иван своего не упустит. Теперь остается только ждать, когда он вернется и расскажет, что ему удалось разведать. А то, что удалось, это не вызывало у Алексея никакого сомнения.

Вскоре Иван в компании близнецов возник на пороге. Он так и таял от удовольствия, и по тому, как весело подмигнул Алексею, тот понял, что его неугомонный приятель все-таки что-то узнал. Но при мальчишках разговор все же не следовало начинать. Судя по всему, они не в курсе дела, однако в хитрости и в житейской смекалке им не откажешь. Живо поймут, что гостей не только рыбалка интересует.

– Ну что, братцы, айда тайменя ловить? – бодро произнес Иван, рассматривая непромокаемые сагиры из шкуры сохатого, которыми их снабдил атаман.

– Эка вы проснулись, дядька Иван, – слегка насмешливо произнес Сашка. – Таймень на заре кормится. Хватает что попадая, а сейчас поздновато. Он уже нажрался и где-нибудь в яме десятые сны видит. Разве что на хариуса сходить?

– Ну, пошли на хариуса, – согласился Иван, – а завтра на заре тайменя попробуем поймать.

Сашка снисходительно улыбнулся, но ничего не сказал. Зато Шурка с готовностью предложил:

– Давайте ночью на реку пойдем. Мы вам покажем, как хариуса лучинить. У нас и острога есть, а смолья мы с вечера наготовим.

– Договорились, – Алексей дернул парнишку за лохматый оселедец. – А не проспите, рыбачок?

– Сами не проспите, – обиделся тот и отодвинулся от Алексея. – Только мамке скажите, что мы с вами идем, чтобы отпустила.

За сборами не заметили, как солнце перевалило зенит и покатилося к западу. Пришло время обеда, и Елена Сергеевна не отпустила рыбаков, пока обильно их

не накормила борщом со сметаной и копченой осетриной. Никита Матвеевич и Гаврюха к обеду не появились. Станичники продолжали бороться с огнем в Петровском логу.

– Смотрите, без дела в воду не лезьте, – предупредила своих казачков мать, а Ивана попросила присмотреть за близнецами, чтобы к скалам не приближались и в порог не угодили. Под рыбу она снарядила им два брезентовых ведра да дала в дорогу пирогов с луком и яйцами и бутылку молока. Заботу казачки они смогли оценить только к вечеру, когда изрядно проголодались на свежем воздухе, а до дома требовалось еще дойти. Незаметно, шаг за шагом, они только по реке ушли вниз версты на полторы, если не больше, да еще столько же надо было отмахать назад по дороге, чтобы добраться до ужина.

Но пока они об этом не думали, озабоченные, как не разбить бутылку и не подавить пышные пироги. Наконец все устроилось, уложилось, упаковалось в приличных размеров тючок, который Сашка привязал к седлу малорослой гнедой лошаденки с длинной косматой гривой. И солидно, по-взрослому пояснил:

– В тайгу на день идешь, а собираешься как на неделю. Чтоб и соль была, и огонь чем добыть, и одежда потеплее. В горах ночами холодно, без костра озябнешь. А то дождь зарядит, тогда без сагир и дождевика до пупа промокнешь. – И шлепнул лошаденку по крупу. – Ну, пошла, Карайка!

Глава 10

Речка называлась Веселой, вероятно, из-за множества перекатов, на которых она дробилась на тугие струи, играла и звенела, взлетая волной и покорно опадая на отмелях. Вплотную к ней подступали покрытые лесом отроги, а за ними поднимались к небу высоченные гряды гольцов с проплешинами вечных снегов и глубокими цирками, окаймленными неприступными скалами. Именно там, на дне этих провалов, разлеглись Пожарские озера, несравненные по красоте и запасам рыбы. Никита Матвеевич, приезжая в Североеланск, сумел увлечь Ивана рассказами о рыбалке на этих озерах, иначе тот никогда бы не решился уехать от Маши и детей на столь долгое время.

При впадении в Кызыр речка Веселая наметала кучу деревьев, смытых весенним паводком с берегов. Деревья настолько переплелись между собой, сцепились ветвями и корнями, что вряд ли нашлась такая сила, которая смогла бы очистить реку от этого завала. Наносник уже наполовину затянуло песком, и он скорее напоминал небольшой полуостров, выступивший острым клювом далеко на середину реки. Но не тем он был знаменит. По словам Сашки – здесь было любимое место кормежки хариусов. Они толклись под затопленными корягами, как казаки на майдане в воскресный день.

И правда, гибкие серебристые тела то и дело взлетали над поверхностью воды и тут же исчезали. Ну как тут можно устоять от соблазна и не порыбачить. Близнецы тут же принялись ловить паутов для наживки, но Иван решил попытаться счастья с «обманкой». Как-то несолидно было ему, старшему агенту уголовного сыска, скакать вместе с резвой ребятней по камням в погоне за мухами.

«Обманками» его тоже снабдил атаман. Изготовлены они были просто. Маленький стальной крючок до самого изгиба к жалу был обмотан красной ниткой с вплетенными медвежьими шерстинками, а в конце изгиба – два пестрых перышка кедровки. На воде ее удерживала леска из конского волоса, и подхваченная волной «мушка» играла как живая.

Иван и Сашка забрались на наносник и принялись таскать хариусов одного за другим, сопровождая каждого криками восторга, возможно, чтобы подразнить Шурку, который наперекор брату начал удить с берега. Но рыба здесь брала вяло, не «липала» к крючку, и физиономия мальчишки становилась все мрачнее и мрачнее. Однако он продолжал держать фасон и не обращал внимания на бурную радость, которая извергалась вулканом в нескольких шагах от него.

И вскоре его страдания были отомщены. Сашка оборвал крючок и принялся канючить у брата:

– Слышь, Шурка, не жлобись, дай забросить разок.

– Самому надо, – упорно отказывал ему брат, хотя не поймал за это время ни одной рыбины. Близнецы взялись препираться и толкать друг друга в грудь кулаками, пока Иван не сжалился и не отдал Сашке запасную «обманку». Сам он уже натаскал чуть ли не ведро хариусов и только тогда заметил, что Алексей не

рыбачит.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Айдар- круглая казачья стрижка.

2

Огудала - обманщик, плут (диалект.).

3

Вачуга - стойбище.

4

Аргишит – то есть водит олени обозы.

5

Карым – ребенок от русского и тунгуски.

6

Прочь! Убирайтесь прочь! (англ.).

7

Спичук – самец осетра (диалект.).

8

Мокрец – мельчайшее ядовитое насекомое, которое не жалит, а прямо-таки выгрызает кусочек кожи.

9

Паут – сибирское название овода.

10

Белки – горные вершины, на которых снег лежит даже летом.

11

Курумы – россыпи огромных камней.

12

Белогорский чай, багульник – сибирское название вечнозеленого рододендрона душистого.

13

Махратник – пренебрежительная кличка торговцев мелочным товаром.

14

Бус – мельчайшая водяная пыль.

15

Релка – сухой гребень, прогалина, лужок среди кустарника (сибирск.).

16

Исполу – то есть отдавали за вычетом посева половину урожая.

17

Баглай – дармояд (диалект.).

18

Хитина – беда (казачье).

19

Батыев путь, то есть Млечный Путь (казачье).

20

Сокжой – дикий северный олень.

21

Брашна – пища (старообряд.).

22

Харатье – пергамент, бумага, на которой писались старинные книги и документы.

23

Корчемная стража – таможня.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mel-nikova_irina/sibirskaya-amazonka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)